

.....
Геннадий Владимирович
КОЛШАНСКИЙ
(1922-1985)

Лингвистическое Наследие И @ш

Г. В. Колшанский

**ОБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА
МИРА В ПОЗНАНИИ
И ЯЗЫКЕ**

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. М. Шахнарович

Предисловие
профессора *С. И. Мельник*,
доктора филологических наук
профессора *А. М. Шахнаровича*

Издание второе, дополненное

УРСС

МОСКВА

Об авторе этой книги

Книги, как люди, — у каждой своя судьба. У этой книги судьба горькая. Геннадий Владимирович Колшанский спешил закончить ее, если не зная, то догадываясь, что времени у него в обрез. Врачи уже не понимали, где он берет силы, чтобы дышать, а он настаивал на том, чтобы снова и снова перепечатать отдельные страницы, добавить какие-то куски, что-то исправить. .. Прошло четыре года, но и сегодня ни одна страница не утратила актуальности. Иначе и не могло быть: «Объективная картина мира в познании и языке» — последний труд ученого, философа и лингвиста, который верил в возрождение гуманитарных наук, в силу разума, способного творить не только чудеса современной техники, но и Человека, достойного эпохи прогресса, а поскольку человеческий мозг именно тайны вербального мышления будет хранить до конца, то никакой нейрофизиолог или нейропсихолог не подойдет к ним близко без лингвиста.

Без языка нет человеческой общности, нет и общего дела. Мудрый миф о Вавилонском столпотворении запечатлел эту мысль раз и навсегда. Геннадий Владимирович Колшанский был прежде всего философом, а потом уже лингвистом, в том смысле, что умел очень широко смотреть на вещи и глубоко проникать в их суть. Этот дар видения подкреплялся огромной эрудицией ученого, который очень много читал и никогда не замыкался рамками «своей» науки. Немецкая философия заставила студента Колшанского изучить немецкий язык, а язык со временем превратился в объект фило-

софского анализа. Именно обобщающий, синтезирующий, а не только анализирующий подход позволил Колшанскому сосредоточиться на ключевых позициях в лингвистике, выйти в конечном счете на чрезвычайно продуктивную концепцию, опережающую свое время: он всегда считал, что в языке нет ничего, чего бы не было в речи, и наоборот. Весь мир был охвачен в 60-е годы идеями структурализма в языкознании, а Геннадий Владимирович не верит в примат формы, в возможности лингвистики, отрывающей языковую форму от содержания, от семантики. Он ищет ответа на свои вопросы у Канта, Фейербаха, Потебни, Бодуэна де Кургане, Мещанинова, Поливанова. . . и выходит в область психологии, признавая необходимость «впустить» человека — носителя языка в мир лингвистических исследований. Смыслы языка хранятся в голове человека, а не заключены в глубинные структуры текста, взятого как вещь в себе. Именно под руководством Геннадия Владимировича начинается множество исследований, рассматривающих все более крупные единицы языка: на пути от слова к тексту лежали словосочетания, фразы, сверхфразовые единства, абзац. Для аспирантов и докторантов Геннадия Владимировича это были конкретные области научного анализа, для руководителя — поиск элементарной и одновременно адекватно отражающей целое языковой единицы.

В послевоенные годы Геннадий Владимирович зачитывается трудами Планка, Резерфорда, Бора, Эйнштейна. Физики пытаются построить свою «картину мира». Это безумно интересно. Но почему физики? В эти годы родилось жгучее, на всю жизнь, желание понять «картину мира» через язык. Ведь самое интересное — человек, мир человека, а в этом мире роль языка безгранично велика. Почему же так отстали лингвисты от физиков? Очевидно, что описание объекта лингвистической науки в терминах сравнительно-историческо-

го языкознания не приводит к пониманию механизмов порождения, восприятия речи, механизмов речемышления и речетворчества. Иллюзии структурализма разбились о тот же камень преткновения: даже блестящее владение готовыми языковыми формами не есть порождение речи, вместо овладения языком через структуры человек вынужден заниматься овладением структурами, заучиванием и имитацией. Практика обучения на основе структурно-бихевиористских методов показала ограниченность теории, ее породившей.

Для Колшанского главная проблема в изучении языка заключалась в том, чтобы отыскать в языке, как в физике или химии, адекватную «элементарную частицу», основную функциональную единицу языка, какой не являются, — это ему уже кажется очевидным, — ни предложение, ни структура/модель. Но основная единица работающей системы должна подчиняться ритму ее жизнедеятельности, заданному назначением, функцией. А что является главной функцией языка? Трубецкой выделял таких функций три, Якобсон — пять, некоторые исследователи дошли до двадцати. И Колшанский вступает в спор с великими предшественниками. В который раз он опровергает устоявшееся мнение и как красиво! С мыслью можно бороться только мыслью, — утверждает академик А. Д. Сахаров. Профессор Колшанский всю жизнь исповедует это правило. Он пишет: «Коммуникативное назначение языка есть его первая и единственная функция, преобразующая индивидуальное сознание в общественное» *. Монизм концепции позволил воздать должное Человеку, хозяину языка. «Язык есть продукт мыслительной деятельности человека и одновременно форма этой деятельности», а «основой его существования является адекват-

* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 8.

ность мыслительного языкового процесса отражаемому миру»**.

Философский взгляд на вещи позволяет подняться над уровнем своих современников. На Западе прагматика и функциональный подход владеют многими умами, но в основе здесь — речевой акт, речевое поведение коммуниканта, отдельные интенции. Колшанский отдаст должное этим лингвистическим школам, но видит, что это не верхний этаж, не верхний уровень описания языка как средства познания мира и коммуникации, которая есть для него движение мысли, интериоризация мышления, облеченная в материальную форму — язык. Россыпь речевых актов, опосредованных поведенческими факторами (интенцией говорящего, ситуацией общения, сферой компетенции и пр.), — все это строительный материал, а не храм, подчиняющий себе Человека. Храм, который строил Колшанский, — его коммуникативная лингвистика, оригинальная концепция языка, существенно отличающаяся от всего, что существует на Западе под таким же названием. Колшанский предлагает считать основной единицей языка и коммуникации текст, на нижнем уровне которого стоит высказывание. За всю историю лингвистики и методики как ее прикладной области (составляющей и самую обширную область применения лингвистических исследований, и испытательный полигон, где теория проходит проверку практикой) — это третья единица (первая — слово, вторая — предложение). Если первые две статичны, то текст — динамичная единица, в которой мысль не умирает изреченной, но действительно живет.

Колшанский не успел завершить свой храм, но он сказал свое слово. Его еще не все услышали и поняли. Мудрый поймет — *Sapienti sat!*

** Там же. С. 26.

В известном смысле данная монография является продолжением и развитием идей коммуникативной лингвистики. Картина мира, которая складывается в мышлении носителя языка, требует адекватного выражения языковыми средствами. Это возможно при условии такой организации языковых средств, которая позволила бы адекватно реализовать коммуникативную интенцию в любой ситуации общения. В какой мере объективная действительность отражается в языке? Как это отражение коррелирует с тем субъективным образом объективного мира, который складывается в сознании субъекта и становится способом (и средством) ориентации в реальной действительности? Каковы креативные возможности системы языка? Вот далеко не полный перечень вопросов, на которые пытается ответить автор в этой небольшой по объему, но богатой идеями книге.

Подготовка книги к изданию потребовала большой работы. Значительную часть этой работы выполнила младший научный сотрудник Института языкознания АН СССР Е. М. Василевич.

С. И. Мельник, А. М. Шахнарович

Лингвогносеологические предпосылки адекватного познания объективного мира

Язык, являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собою все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума.

Предпосылкой существования человеческого общества является освоение окружающей природы и обеспечение таким образом жизнедеятельности человека и общества. Освоение мира есть не что иное, как познание его закономерностей и использование их в трудовом процессе для удовлетворения материальных и духовных потребностей человека.

История становления человека показывает, что практическое освоение мира с момента создания орудий производства есть одновременно и его осмысление, т. е. закрепление в познании обнаруженных и успешно используемых тех или иных свойств предметов, явлений природы и процессов. Одновременность становления и развития практической и гносеологической деятельности человека предопределяет качественный скачок в эволюции животного мира — становление абстрактного мышления.

Абстрактное мышление есть прежде всего этап образования таких обобщенных образов предметов и явлений, которые удерживают в своей форме существенные черты и свойства, что позволяет этим формам су-

шествовать не в виде разовых впечатков или следов восприятия мира, как это свойственно животным, включая и высших, а фиксировать в сознании отраженные фрагменты объективного мира в виде идеальных сущностей — понятий и их связей. Образы предметов и явлений (являющиеся более высокой степенью разового ситуативного рефлекторного отражения действительности), возникают при соответствующих обстоятельствах и у животных, но без выделения их существенных черт.

Умение выделить существенные свойства какого-либо предмета, обнаруживаемое прежде всего в практической деятельности человека, обозначает переход к удерживанию в сознании не индивидуального образа этого предмета (независимо от степени его обобщенности), а лишь его важнейших или существенных на данном этапе познания свойств. Это неизбежно приводит к необходимости возникновения особой человеческой формы закрепления в сознании человека результатов успешного овладения в трудовом процессе каким-либо предметом или явлением в виде особых сущностей, а именно, в виде понятий.

Понятийное сознание, или понятийное мышление, преобразует объективный мир в мир идеальных сущностей, что знаменует собою новый уровень познания природы. Но возникновение идеальных сущностей всегда связано с необходимостью материального закрепления этих форм сознания — звуковой язык и становится средством этой физической объективации мышления.

Животная реакция на предметы или ситуацию (опасность, болезненные ощущения, действия, направленные на спасение) закрепляет отобранные в процессе поведения какие-либо формы деятельности в качестве рефлексов, проявляющихся прежде всего в разовых или типовых (аналогичных) ситуациях.

Мыслительные же формы закрепления в сознании того или иного свойства предмета, ситуации или явле-

ния отрабатываются в виде сущности, которая обладает способностью быть приложимой ко всему ряду однородных явлений независимо от времени их реального присутствия. Например, реакция на опасность, возникшая в определенный момент ситуации, является как бы частью этой ситуации и регулирует действие животного путем прямого ответа на тот или иной сигнал (бегство, оборона и т. д.). Ситуация же опасности для человека при определенном стечении обстоятельств закрепляется в виде особой сущности — понятия опасности, обозначающего уже не отдельное действие в какой-либо данный момент, а всеобщую закономерность — ситуацию опасности, когда бы она ни возникла и в каком бы конкретном виде она ни проявлялась.

Обозначение соответствующих предметов и явлений в их универсальности или в обобщенном качестве, охватывающее собою сущностную характеристику соответствующих предметов и явлений, как бы их внутреннюю всеобщность, есть не что иное, как номинация предметов и событий в соответствующих языковых единицах. Существование абстрактных форм мышления определяется их материализованной природой в языковой плоти, выступающей в качестве презентации в человеческом обществе результатов познавательной деятельности, осуществляемой на базе трудовых процессов.

Возникновение таких сущностей, условно говоря, слов (определенных звуковых комплексов, несущих в себе информацию о предметах и явлениях), создает возможность, с одной стороны, оперировать этими словами (и понятиями), а с другой, — закреплять их как определенный этап познания. Накопление такого понятийного и языкового материала означает не что иное, как становление языка, его возможность последующего развития.

Активный процесс отражения действительности в сознании человека сопровождается одновременно актив-

ным процессом речепорождения, таким образом осознанный объективный мир закрепляется в качестве мыслительного мира человека, существующего на базе естественного звукового языка. Проблема становления языка и мышления излагается именно в свете генетически единого характера этого процесса. Момент, так сказать, опережающего характера мышления по отношению к языку может интерпретироваться по-разному (например, как «установка» в смысле Д. Н. Узнадзе), но признание этого опережающего момента не разрушает единство языка и мышления (гносеологически, онто- и филогенетически). В наше время в силе остается данное в трудах Л. С. Выготского суждение: «На определенной стадии фило- и онтогенеза линии развития мышления и языка сливаются, давая начало собственно человеческой языковой деятельности и речевым формам поведения, в результате чего мышление становится речевым, а речь интеллектуализируется» [1982, 105].

Процесс формирования «языкового мышления» необходимо включает в себя и фактор общения, ибо этот процесс есть одновременно и функционирование языка, его как бы межиндивидуальная субстанция, другими словами — общественная природа. Не отдельный человек, а все общество (коллектив, социум) вырабатывает и закрепляет в языке познавательные акты, что создает сложный, но единый комплекс: мышление — язык — общение.

Идеальный мир человека является в соответствии с марксистским положением вторичным миром, а следовательно, не самостоятельным, зависимым от материального и порождаемым этим материальным миром. Понятийный мир человека является как бы отчужденным объективным миром, отношения между ними складываются на основе зависимости и последовательности (первичность, вторичность). Более того, в сознании

объективный мир выступает качественно иным в форме чисто человеческого, субъективного атрибута, а именно: языка—мышления, которые далеки по своей структуре от какой-либо аналогии с любым феноменом мира.

Признание понятийного мира вторичным означает, что, несмотря на все его качественное своеобразие и человечность, он не может быть, тем не менее, признан созданием самого сознания, так сказать, порождением самого себя, а должен рассматриваться, в соответствии с марксистской гносеологией, как истинное отражение существующего независимо от субъекта (человека) первичного материального мира.

Здесь необходимо добавить, что отношение субъект—объект действительно только в гносеологическом плане, так как в онтологии сам субъект (человеческое сознание) является объектом, т. е. частью объективного мира, закономерности организации которого в итоге восходят к всеобщим закономерностям физического мира. Рассматривая поэтому понятийный мир, а следовательно, и способы выражения его как главный человеческий фактор в структуре «субъект—объект», нельзя упускать из виду глубинное единство материального и идеального миров. Объективный мир, отраженный в сознании, в итоге содержит в себе те же закономерности, что и сам мир, и структурирован по тем же самым законам. «Всякие обобщения, всякое образование новых понятий опирается в конечном счете на определенный объективный состав реальности. Это и призван выразить марксистский принцип диалектического единства мышления и бытия как иное выражение того, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам развития» [Жоль 1984, 243]. Именно эти предпосылки могут служить основой утверждения, что познание мира создает его адекватную картину. «Мышление у людей, говорящих на разных языках, в своих главных очертаниях остается сходным

или одинаковым. Объясняется это физической природой человека, функциями его головного мозга, высшей нервной системы. Многочисленные языки, существующие в мире, — это различные пути, способы духовного освоения действительности, в основе которых лежат одинаковые принципы человеческого мышления. Они и ведут к адекватному достижению реального мира» [Храпченко 1983, 231]. Ср. также: «. . . язык не столько преобразует действительность, сколько отражает ее в своих формах. Внешние условия жизни, материальная действительность определяют сознание людей и их поведение, что находит отражение в грамматических формах и лексике языка. Логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они ни говорили» [Мечковская 1983, 118—119]. Практическое овладение миром, естественно, может строиться только на основе физического познания предмета и явления, на основе и в соответствии с их внутренними законами, но теоретическое овладение также учитывает эти внутренние законы, ибо, в противном случае, познание не может быть истинным, а следовательно, результативным; более того, ложное познание неотвратимо должно привести к прекращению практической деятельности, противоречащему объективным закономерностям, грозящему гибелью всему человеческому роду.

При такой постановке проблемы язык занимает положение, в котором он в принципе не может быть разрушителем этого онтологического и гносеологического единства «субъект—объект». Языковая форма в этом случае может выполнять лишь функцию материального закрепления идеального сознания, но при этом должна быть организована по законам, на которых зиждется истинное познание мира. «. . . формы и законы как чувственного, так и логического отражения порождены, в конечном счете, объективным миром» [Кузьмин 1976,

41J. Ср. также: «Единство мира в частном случае есть единство языкового и неязыкового миров. Неязыковая сфера, рассмотренная в отношении к языковой, представляется как виртуально-языковая сфера, как и объект языкового представления в его отношении к языковому субъекту — это только «условие возможности» самого субъективного языкового представления. Поэтому возможна, с одной стороны, характеристика неязыкового в языковом плане (в его свернутой «языковости»), а с другой стороны, характеристика аспектов языковой сферы и ее элементов — в плане неязыковом (по их экстралингвистической отнесенности» [Атаян 1982, 24].

Гносеология исходит из того положения, что существует два мира, которые соотносятся друг с другом как первичный и вторичный, независимый и зависимый. Объективность двух миров — объективного и субъективного, человеческого и внечеловеческого — не снимается ни при каких условиях, и только единственный вопрос — вопрос об отображаемости первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека.

Человек является таким же материальным объектом (в разряде живых существ), как и все другие объекты органического и неорганического мира. Следовательно, сам человек как биологическое существо и материальный объект и отображение в человеке «вне его положенных» объектов должны иметь единую онтологическую базу, что и дает основание для утверждения об адекватном характере познавательной деятельности человека. Сама по себе познавательная деятельность человека есть лишь особая разновидность, способ взаимодействия организмов, вещей и процессов в мире — не физический, свойственный всему миру, а духовный, приводящий к образованию в сознании особой (человеческой) формы абстрактного мышления, в которой откла-

дываются и как бы повторяются в преобразованном виде структура и взаимодействие материальных объектов. Это означает, что человек создает в процессе познания мир, который является одновременно и объективным миром и субъективным — собственно миром человека.

Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира. Выходит, что в принципе человек приносит в мир не себя, со своими законами и закономерностями, а лишь особое взаимодействие — человек—мир, в результате которого рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему роду человеческому и существующая в форме «язык—мышление». Субъектность этого мира определяется принадлежностью его к человеку, но способ существования этого мира не означает порождения новых объектов. В сознании человека в идеальной форме повторяется сам мир, и оно в материализованной языковой форме становится элементом этого мира.

Подчеркивая здесь особенный характер понятийного, идеального мира человека, нельзя одновременно не подчеркнуть неотъемлемой связи человека с окружающим миром как его части, что образует диалектически противоречивое единство: идеальный мир в человеке — материальный (объективный) мир.

Вот почему вся познавательная деятельность человека коррелирует с объективными закономерностями мира. Если бы мир сознания представлял собой новый мир, несогласуемый с окружающим миром, человек прекратил бы свое существование, раздавленный силами, не поддающимися ни теоретическому, ни практиче-

скому овладению вследствие принципиальной разнородности законов, управляемых бытием, с одной стороны, объективного мира, а с другой, — субъективного.

«. . . структура мыслительных операций (внутренних действий, по П. Я- Гальперину), т. е. мышление, складывается под влиянием внешней деятельности. Роль языка в становлении мыслительных операций сводится к тому, что речь, заменяя отдельные фрагменты внутренней деятельности, превращает ее в знаковую деятельность, т. е. в речевое мышление. Таким образом, речь фиксирует образцы (способы) внешней деятельности, преобразованной в мыслительные структуры, она не детерминирует актуальную познавательную деятельность, но является лишь средством такой детерминации». И далее: «две проблемы, традиционно формулируемые как взаимосвязь языка — мышления и языка — познания (познавательной деятельности) допускают принципиально тождественное решение, ибо это не две проблемы, а одна» [Сорокин, Тарасов, Уфимцева 1982, 5—6].

С другой стороны, Е. Косериу: «Путь, объясняющий языковую картину объективного мира свойствами материальных языковых знаков, заводит в тупик и неприемлем» [Coseriu 1982, 280].

Ср. другую точку зрения: «Взгляд на язык есть взгляд на мир.

Опыт языка есть взгляд на мир; поскольку человек имеет мир только в своем сознании, постольку его опыт откладывается только в его языке. Поэтому воспринимать мир нельзя непосредственно (помимо языка). Только взгляд на язык есть взгляд на мир» [Liebrucks 1965, 366—367].

Человек как часть мира остается всегда привязанным к нему и духом и телом, и мыслью и чувствами. «. . . общественно выработанные словесные значения, усваиваясь субъектом, приобретают как бы новую свою жизнь,

новое движение в его индивидуальной психике. В этом движении они вновь и вновь, но особым образом соединяются с чувственной тканью, которая непосредственно связывает субъекта с предметным миром, как он существует в объективном пространстве и времени» [Леонтьев 1976].

Рассматривая с этой точки зрения язык, можно утверждать, что язык, выполняя функцию реализации общественного сознания, не может управляться такими законами, которые противоречили бы исходному положению о принципиальном единстве субъективного и объективного миров >. Поэтому исследование языка, как бы оно ни было нацелено на собственно человека, рассматриваемого в сфере его духовной деятельности, не может дать основание для разграничения двух миров — оно может лишь открыть в языке человека — со всеми его индивидуальными и родовыми качествами — сам мир. «Марксистская философия всегда имеет в виду, что все компоненты субъективного по своему источнику и содержанию детерминированы объективно-реальным миром». И далее: «Гносеологический образ функционирует также в знаковой системе естественного

¹ Разграничение языкового и мыслительного миров создает еще одну проблему: их взаимоотношение и их отношение к реальному миру — это неизбежно ведет к удвоению миров. Ср.: «Что касается правомерности оперирования „мыслительной“ и „языковой“ моделями, то основания можно искать, указав а) на традицию в марксистской философской литературе выделять в едином и сложном процессе познания две ступени — „чувственное познание“ и „логическое (рациональное) познание“; б) на современные исследования, где единое и многогранное представляется в виде „эмпирического уровня“, и „теоретического уровня“, и, наконец, в) на то, что выделение в нашем знании моделей M_1 и M_2 помогает раскрытию специфической роли языка в познании, показу процесса преломления рационального познания через призму языка и выявлению результата этого своеобразного феномена» [Брутян 1975, 58, 59].

языка. Сам процесс развития языка представляет аккумуляцию человеческого опыта, знания и умения, а следовательно, и развитие гносеологического образа. В силу этого знаки естественного языка, воплощаясь в сознание человека, в его функционирующий познавательный образ, являются необходимым объективным средством в формировании мысли, позволяющей субъекту адекватно отражать объективно-реальный мир» [Дайнеко 1978, 63, 94]. «И в действии личностей, в их чувственно-практическом отношении к миру вещей и вещных значений и в отношении друг к другу, относительно самостоятельная система языка постоянно корригируется практикой, соотносится с „языком реальной жизни“. Оторвать язык, слово от действия, от чувственно-практического отношения личности к действительности — значит рассматривать его как замкнутую и абсолютно самостоятельную систему, в которой знаки обладают лишь тем значением, которое определяется формальными правилами их сочетаний. Но в том-то и дело, что индивид всегда использует знаки в реальной, предметной ситуации, организуя совместное действие, помогающее достичь общую цель. В постоянном взаимопроникновении слова и дела, в постоянной их взаимообусловленности выверяется совпадение их значений для жизнедеятельности общества» [Михайлов 1976, 249—250].

Существование вторичного, идеального мира в языковой плоти создает предпосылку для соотнесения объективной реальности мира, независимой от сознания человека, и идеальной картины мира как продукта человеческого сознания.

Картина мира в этом смысле может трактоваться не как совокупность отдельных явлений, а как идеальное представление всей взаимосвязанности объективных предметов и процессов, соответственно существующих в такой же сложной сети взаимосвязей в мире понятий.

Неправомерно утверждение соотношения «мир—язык—сознание», так как язык не выступает отдельной сущностью и не стоит между миром и мышлением. Здесь уместно провести аналогию с физическим истолкованием взаимоотношения человека, прибора и мира, получившим название «принципа дополнительности Бора».

В естественных науках достаточно обосновано положение о том, что прибор, опосредующий познавательную экспериментальную деятельность человека, направляющего свои усилия на выяснение законов мира, не является преградой, фильтром, искажающим зеркалом или чем-то другим — он входит в эту цепь взаимодействия между человеком и природой как часть самой природы. Человек—прибор—предмет есть единство, не искажающее сущность ни человека, ни прибора, ни предмета; оно есть лишь одна из форм взаимодействия предметов мира. Язык также не может рассматриваться в качестве барьера между человеком и миром или самостоятельным познавательным механизмом, наделенным такими качествами, которые дают ему возможность представлять по-своему этот мир и доносить его до человеческого сознания. В принципе остается действительным лишь двуединство «мышление—мир», в котором формой существования мышления выступает язык, сохраняющий все существенные свойства мышления, а следовательно, в итоге и все свойства предметного мира. Приведем по этому поводу рассуждение известного психолога А. Шерозия: «Психология всегда представляет себе психику „в двух лицах“, одним из которых последняя обращена к субъекту своего познания и, будучи образованием личностным (субъективным), разделяет природу этого субъекта, тогда как другим она обращена к объекту и, будучи единственно возможным „языком“ его выражения, разделяет природу и этого объекта» [1979, 132]; Нильс

Бор пишет: «Как бы ни были велики контрасты, которые обнаруживают атомные явления при различных условиях опыта, такие явления следует называть дополнительными, в том смысле, что каждое из них хорошо определено, а взятые вместе они исчерпывают все поддающиеся определению сведения об исследуемых объектах» [1961, 124]. Н. Бор подчеркивал, что принцип дополнительности является основополагающим как для естественных, так и для гуманитарных наук.

Понятие «картины мира»

в логике и лингвистике

При рассмотрении проблемы о роли языка в формировании картины мира в сознании человека прежде всего необходимо определить само исходное понятие «картина мира». Возможные ассоциации дают основание часто подразумевать под выражением «картина мира» то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которые сформировались у него в результате его жизненного опыта. Такое понимание выражения «картина мира», как и само выражение, нельзя отнести к строго научным, оно скорее может быть одним из бесчисленных житейских выражений, отражающих индивидуальное понимание, представления того или иного человека по поводу какого-либо явления природы, обстоятельств, условий, эстетических ценностей и т. д.

Надо полагать, что использование указанного выражения в научном обиходе соотносится скорее всего с теми знаниями о материи во всех ее конкретных проявлениях, которыми располагает человек, а точнее — общество, а еще точнее — вся человеческая цивилизация в целом. К этим знаниям могут быть отнесены как знания о всех процессах материального мира — физи-

ческих, биологических, химических и т. д., так и знания о всех проявлениях духовной жизни самого человека — этика, эстетика, искусство и т. д., что соответствовало бы таким выражениям, как: «физическая картина мира», «химическая картина мира», «картина биологической природы», «картина животного мира», «картина психической жизни человека» и т. д. Однако наиболее целесообразным является конденсированное понимание выражения «картина мира», такое понимание, которое соотносилось бы с обобщенным (научным) представлением человечества о сущности окружающего его мира на определенном этапе его развития.

Содержание выражения «картина мира» может быть в этом случае синонимично содержанию выражения «совокупность знаний о мире». Обобщенным определением всей совокупности научных знаний о мире является прежде всего философское понимание этого мира, что для диалектического материализма означает определение мира как окружающей человека материальной действительности, проявляющейся в пространственных и временных параметрах.

Безусловно, совокупность знаний о мире добывается наукой и постепенно усваивается как в теоретическом, так и в практическом плане. Более узкое употребление выражения «картина мира» применительно к отдельным свойствам материи или человеческой психики в принципе возможно, однако оно требует постоянного соблюдения правила экстраполяции или правила перехода от отдельных картин мира, т. е. от совокупности знаний об отдельных явлениях и свойствах, к всеобщему знанию, ко всей совокупности знаний о мире. Например, выражение «картина микромира» (совокупность знаний о составе и взаимодействии элементарных частиц материи) было бы релевантно в данном случае для науки с указанной выше оговоркой.

Не является дискуссионным в настоящее время вопрос о том, что знание о мире, или так называемая научная парадигма мира, на каждом данном этапе развития человечества создается в результате сложного взаимодействия теории и практики человека, выдвижения и проверки гипотез, экспериментального изучения явлений с помощью разнообразных технических средств, которыми располагает человек.

Становление картины мира в исторической перспективе проходит путь от начальной точки познания (мифологической, наивной) до научной (например, состояние науки на рубеже XX—XXI вв.), что образует относительно адекватное (асимптотическое) представление человека о мире. Познание мира в конечном итоге определяется его практическим овладением, ибо единственной проверкой адекватности познания является только практика. Практика является также и показателем прогрессивного развития человеческого общества. Следовательно, начальным и конечным этапами познания мира является его практическое освоение в процессе трудовой деятельности человека.

Средством познания мира, обеспечивающим проникновение человека в тайны его закономерностей, является мышление, развившееся на высшем этапе биологической жизни и способное адекватно отражать эти закономерности мира и удерживать их в сознании в понятийной сфере, нейрофизиологической субстанцией которой является мозг.

Язык выступает как способ закрепления всей отражательной деятельности мышления — деятельности, которая, в свою очередь, неразрывно увязана с практической (физической) деятельностью человека. Существование языка как материальной формы закрепления мышления человека, а следовательно, и той совокупности знаний, которыми располагает мышление человека на определенном этапе, создает новую проблему в ин-

терпретации содержания анализируемого нами выражения «картина мира». Эта проблема поворачивает вопрос о содержании этого выражения таким образом, что картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, т. е. «языковой картиной мира».

В языковом знаке закрепляются и реализуются (как в индивидуальном, так и общественном плане) результаты отражательной мыслительной деятельности человека. По отношению к действительности мышление есть форма и способ отражения, т. е. образование вторичного идеального мира в сознании человека, который как бы повторяет («вторично существует») объективный мир в способах и формах, присущих человеческому мозгу. Отражательная способность есть способность мозга, но не языка, поэтому о вторичной, отражательной картине мира можно говорить только имея в виду мышление. Язык выступает, в свою очередь, как бы вторичной формой существования мышления; если субстанцией мышления является мозг, то субстанцией абстрактных мыслительных форм является, в частности, звуковой язык. На этом основании и можно говорить, что язык выражает мышление, а мышление отображает действительность. Это принципиальное положение неумолимо означает, что картина мира, т. е. знание о мире, — это атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений (схематично).

Человеческим фактором является сознание, которое в результате отражательной деятельности формирует концептуальную картину мира, позволяющую человеку эффективно ориентироваться в нем, использовать его в своих жизненных целях.

Язык не имеет непосредственного отношения к объективному миру и, следовательно, он не может сопостав-

ляться с миром в такой же плоскости, в какой сопоставляются мышление и мир, поэтому не имеет смысла отношение звук—мир, а отношение язык—мир уже включает в себя язык—мысль—мир, а вернее — «языковая мысль—мир».

В связи с тем, что в языке закрепляется общественное сознание, тексты как результаты мыслительной деятельности содержат понятийное богатство разума. В этом случае язык является и бесспорным свидетелем как всего длительного пути накопления знаний, так и всех успешных и безуспешных поисков истины в познании объективных закономерностей мира. Язык является как бы звуковой книгой, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком на всем протяжении его истории.

Языковые свойства являются свидетельством «человеческих страданий» в поисках истины, начиная от простого обозначения вновь открываемых объектов и явлений до формирования научных концепций строения Вселенной.

В языке находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире — природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и т. д.

Процесс номинации новых объектов и явлений — языковое документирование особенностей поисков человека в целях овладения соответствующим предметом в зависимости от конкретных материальных условий жизни: наименования растений, явлений природы, предметов охоты, человеческих отношений, животных и т. д. дают наглядную картину бесконечного разнообразия свойств явлений, которые в тот или иной период, в том или ином регионе практически осваивались человеком.

В принципе понятие «картина мира» имеет позитивный смысл только в случае, если концептуальный аппарат человека действительно отражает истинное бытие объективного мира. В противном случае это понятие может обозначать любое произвольное творение человека — от простой выдумки или заблуждения до самой причудливой фантазии.

Естественно, понятие «картина мира» должно иметь категориальный смысл и соотноситься с совокупностью знаний человечества в определенный исторический период и рассматриваться как этап познания человеком мира на бесконечном пути развития человеческих возможностей и прогресса техники и науки. Более ограниченное понимание картины мира (применительно к отдельному человеку, отдельному социуму, коллективу, классу, народу и т. д.) может рассматриваться лишь как часть целого.

В формировании картины мира язык, как мы уже говорили, выступает не демиургом этой картины, а лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности (теории и практики). Как способ выражения мышления, а следовательно, и познания, язык выступает в качестве средства, замещающего в познании человека предметы, связи и отношения мира — он является как бы создаваемым объектом. Создание этого языка-объекта и его функционирование есть следствие развития человека как биологического существа, другими словами, создание языка-объекта есть результат взаимодействия мира и человека, а его когнитивное наполнение есть результат активного освоения человеком окружающего мира. Можно сказать, что язык выступает формой овладения миром, но не формой особого мира. Вот почему нельзя говорить отдельно о языковом сознании, отдельно о языковом третьем мире и отдельно о языковой картине мира.

Язык не является, следовательно, и особым инструментом познания, как не является он и демиургом сознания.

Субъектность языка следует усматривать именно в его человеческой природе. Язык выступает атрибутом мыслительного существа личности, человека, глобально человечества и поэтому выражает в своей системе и структуре все особенности этого человеческого освоения мира, особенности практической деятельности человека, социальных и природных условий. Он передает одновременно и ограниченность познания, ошибки, заблуждения, фантазии и т. д., национальную самобытность, особенности жизни племен, народов, наций и т. д. Язык и объективен и субъективен, он по своему существу является двусторонней субстанцией, обращенной и к миру и к человеку (язык—субъект, язык—объект)².

Язык не может создавать отдельного от человеческого сознания мира, ибо он сам по себе уже выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира. В этом и заключается весь субъективный характер языка. Даже сквозь все категории языка проглядывают объективные закономерности, хотя своеобразие этих категорий необозримо варьируется в каждом конкретном языке. Язык при этом, естественно, надо понимать не как перечень или схему категорий, а как средство общения во всех сферах жизни.

Вообще сфера деятельности человека может быть условно подразделена на сферу взаимодействия человека с природой и на сферу взаимодействия человека с человеком. Первая сфера универсальна для каждого социума, в то время как вторая сфера варьируется

² Это различие свойственно современной логике и философии и всегда связано с интерпретацией прежде всего понятия истины (в языке, вне языка). См., например, [Tarski 1944].

в зависимости от условий жизни того или иного народа, того или иного действия человека. В условиях жизни конкретного общества или отдельного человека язык становится человеческим как бы в квадрате, что особенно наглядно проявляется в функционировании языка {например, все прагматические действия — просить, приказывать, утверждать; формы обращения, жанры, виды словесного творчества и т. д.}. Однако особенности функционирования языка не означают, что эти особенности создаются самим языком. Они лишь фиксируют каждый данный раз особенности объективно существующих форм человеческого общения. В конечном итоге, можно утверждать, что язык, каким бы человеческим он ни был, не создает своего отдельного от человека мира, — только сам человек отображает реальную жизнь окружающей природы и самого себя. Об этом — следующее высказывание В. И. Ленина: «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность. . . . делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=объективно истинной)» [т. 29, с. 199].

Языковая форма и универсальный характер логического мышления

Если говорить о так называемой «языковой картине мира» в методологическом плане, то необходимо иметь в виду предельную условность этого выражения. Эта картина мира должна означать языковое воплощение понимаемого мира, именно объективного мира, включающего и самого человека как часть мира. Такое понимание мира по своей истинности должно определять ориентацию человека в этом мире, а следовательно, и его существование как рода. «Абстрагируясь

от индивидуальных систем мнений, но по аналогии с персонализированными установками мнения, можно говорить о конструкте, представляющем собой интерсубъективную и в этом смысле объективную установку мнения, и соответственно рассматривать некую „объективную систему мнений" как „объективную" картину мира» [Павилёнис 1983, 255—256].

Вряд ли можно полагать, что язык, помимо мышления, создает еще свой мир, содержание которого детерминируется им самим, т. е. его системой и структурой. Этот мир якобы составляет семантику языка, которая самостоятельно формирует сознание, представление человека не о самом себе, а об объективном мире, как бы заставляет человека постоянно носить «языковые очки», через которые он воспринимает в том или ином преломлении (в зависимости от характера «очков») окружающий мир. Семантика языка (языковой мир) отдаляется в таком случае от мышления, что создает два категориальных мира — понятийный (логический) и языковой (семантический). Эта идея особенно наглядно выступает в разграничении, например, таких содержательных категорий, как значение и понятие, языковая семантика и логическая семантика, логические категории и грамматические категории и т. д. Однако длительная дискуссия по этой проблеме, которая обычно обозначалась как «логика и грамматика», не только не привела к убедительному обоснованию «двух миров» — логического и языкового, но скорее всего обнаружила весьма заметные слабые места данной концепции и усилила аргументацию в пользу монистического толкования единого мыслительно-языкового процесса отражения объективного мира.

Когда пишут о языке как системе категоризации мира, то сознательно (а иногда и бессознательно) предполагают не наличие в каждом языке такой внутренней

системы, которая бы создала понятийный мир в противоположность объективному миру, а лишь различия понятийных систем разных языков — другими словами, вольно или невольно в данных утверждениях скрывается идея о том, что принципиально язык соотносится с одним и тем же объективным миром, а расхождения в его семантической системе, связанные с системой лексем и грамматических категорий, проистекают из различного опыта людей по освоению одного и того же мира, но не из особенностей самой формальной системы языка, как бы преобразующей объективный мир в языковой в соответствии со своими внутренними законами. «Сущность этого принципа можно выразить примерно так. В процессе познания в связи с активной ролью языка и в силу его специфических особенностей возникает языковая картина мира. Она в целом и в главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом сохраняются периферийные участки в языковой картине мира, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знания, корректируют ее» [Брутян 1979, 227—228]. Естественно, что каждый народ имеет свои особенности в социальном и трудовом опыте, что находит свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образование значения слова) и т. д. «В целом не язык навязывает нам то или иное восприятие действительности, а, напротив, действительность неоди-

наково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей» [Мечковская 1983, 118]. Более того, отсутствие тех или иных материальных объектов в определенном социуме может объяснять и отсутствие соответствующих денотатов в языковом обозначении объектов в том или ином географическом регионе. Классические примеры тому — обозначение цветов, животных, растительности, водоемов — говорят действительно лишь об одном — о системе выбора признака обозначения соответственно социальному и трудовому опыту коллектива, но не о системе порождения этих признаков. Так, в одном из последних исследований по этому вопросу [см. Василевич 1982] справедливо указывается на то, что несовпадение значений слов в русском и амхарском в спектре «красный*» объясняется довольно убедительно тем, что опыт наблюдений цвета в соответствующих этнических группах и в соответствующих естественных условиях являются источником обозначения цвета 'красный' (для крови) в амхарском в сторону 'лиловый', а в русском — в сторону 'алый' (автор объясняет это тем обстоятельством, что цвет крови на теле русского дает оттенок алого цвета; на теле эфиопа — с некоторой синевой [Там же, 19]). И в этом случае, и во всех подобных значение слова не есть результат особой сетки значений каждого языка, оно связано с реальной действительностью, т. е. с тем же единым миром, бесконечная совокупность свойств которого и отображается в различных значениях отдельных слов или групп слов в разных языках.

Это явление не есть результат картирования мира в зависимости от свойства (значения слова), а, наоборот, результат закрепления в слове обозначения, актуального для данных объективных условий, находящихся вне «языковой карты» свойств предметов; это скорее картирование языка, а не картирование мира. Поэтому

следует еще раз подчеркнуть, что так называемая языковая картина мира не есть собственно языковая, она — выражение познавательной деятельности различных групп людей — деятельности, обусловленной историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного мира (но не языкового). «Проблема нетождественности вербальной категоризации реальной действительности в разных языках может быть понята, следовательно, как проблема нетождественности образцов социально значимых деятельностей, в рамках которых реальная действительность получает различное членение» [Сорокин, Тарасов, Уфимцева 1982, 7]. И далее: «Таким образом, очевидно, что решение одной из центральных проблем этнопсихолингвистики — проблемы культурно-исторической специфики речевого (а также неречевого) мышления — следует искать за пределами языка, ибо эта специфика обусловлена общественной практикой» [Там же, 8].

Не предметный мир создается языком, а язык отображает исторический опыт каждого народа по освоению этого мира. «Вместе с тем важно подчеркнуть, что само выделение в предметных средствах объективации знаний тех особенностей, которые имеют смысловозначающую функцию, и отличие их от безразличных к смыслу характеристик не определяются какими-то физическими свойствами этих предметов, непосредственно данными в их телесной форме. Это выделение целиком детерминировано культурой, в рамках которой функционируют данные предметы. Если я не включен в эту культуру, не владею принятыми в ней способами коммуникации, я не в состоянии выявить смысловое содержание, объективированное в предметах-посредниках» [Лекторский 1980, 248]. «Можно представить себе, что в различных социально-культурных условиях, г. е. в контексте разной общественной практики, пред-

метные смыслы, воплощающиеся во внешней предметной деятельности, а затем в субъективном мире сознания, будут несколько отличными. Ибо их содержание определяется не только миром реальных объектов, но и степенью их освоенности исторически развивающейся общественной практикой» [Там же, 172—173].³

Современная этимологическая наука восстанавливает достаточно уверенно исходные признаки наименований явлений, познанных человеком с той или иной стороны — практически необходимой в определенных условиях: со стороны ли формы, размера, цвета, способа обработки, полезности или вредности, опасности или безвредности и т. д. Именно человеческим фактором, т. е. отношением человека к какому-либо предмету или явлению мира на определенной ступени овладения этим миром и объясняется не только последующий выбор наименования для него, но и способ его описания, отображающий практическое использование соответствующего объекта.

Развитие номинации через словоупотребление (прямое, образное, переносное) в словосочетаниях (*большой, как СЛОН; выносливый, как верблюд* и т. д.), развитие значения уже оформленного слова или словосочетания, — все это показатели прогресса в практическом, а затем и теоретическом познании окружающего мира. Однако ни на одном этапе своего становления или развития язык не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создает, следовательно, своей собственной картины мира — он лишь фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным

³ Изучению этой проблемы посвящена коллективная монография «Национально-культурная специфика речевого поведения» (М., 1977).

чальным источником реальный мир и деятельность в этом мире.

Зафиксированное однажды в языке, на определенной ступени познания мира существование мельчайших единиц материи — атомов означало не образования языкового мира неделимых элементов — атомов, а лишь понятийные (философские) представления на заре человеческой цивилизации о предельной делимости мира. Дальнейшее познание строения материи никак не было связано со словом 'атом' (неделимый), — вплоть до настоящего времени, когда слово 'атом' с его первичным значением «неделимый» стало употребляться для обозначения одной из делимых мельчайших единиц мира без семного указания на пределы этой делимости (с развившимся позже значением — 'мельчайшая единица'). Если бы языковая форма и семантика определяли бы наше воззрение на мир, то человечество давно бы оказалось в тупике как в овладении энергией расщепляемого атома, так и многих других проблем. Концептуальное и практическое освоение микромира атома ни в какой степени не было связано со значением слова 'атом', а определялось лишь ступенью познания.

Язык не познает мир, а следовательно, и не создает какой-либо картины мира. Однако в языке находит свое отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной), результаты которой закрепляются в языке. Познавательное творчество человека заключается именно в том, что он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме языка, так и в его отклонениях и индивидуальных сти-

лях. Именование ландышей «майскими колокольчиками» отображает своеобразие как природных условий, так и познавательных установок человека, его творческих усилий, что и создает своеобразную картину в именовании одного и того же предмета (цветка) с различных сторон.

В принципе, система конкретного языка, в частности, становление и развитие звукового строя, есть также проявление человеческого фактора, а именно — особенностей становления народов в конкретных исторических условиях. Однако во всех случаях этот фактор не превращается в фактор языка как самодовлеющей силы, как системы, которая управляет миром, т. е. определяет мир в соответствии со своими законами.

Познавательная деятельность человека едина, как едина его биологическая природа, как едина и вся природа в целом. Как бы ни были своеобразны по своей структуре отдельные языковые модели, в конечном итоге они все выходят за концептуальную картину мира, являющуюся не созданием языка, а отображением в сознании человека окружающего мира.

Одним из важных и решающих практических доказательств совместимости логических и языковых систем в их познавательной сущности является неопровержимый факт взаимопонимания народов на основе перевода с одного языка на другой независимо от принадлежности этих языков к различным группам и семьям. Несмотря на величайшие трудности достижения адекватности перевода, лингвистические средства вместе с социологическими, историческими и национальными условиями так или иначе позволяют добиться полной взаимопереводимости языков. Никогда в истории (кроме библейского Вавилона) языковые преграды не были непреодолимой помехой общения народов не только цивилизованных, но и народов, стоящих на разных ступенях социального развития (например, в период

великих географических открытий в Америке и Африке).

Естественно, что адекватность языковой коммуникации достигается как на уровне собственно языковых, так и параязыковых средств, составляющих также неотъемлемую часть общения. Что же касается перевода высшей ступени, например перевода художественных текстов, то здесь адекватность достигается всеми интра- и паралингвистическими средствами, что является также безусловным свидетельством совместимости различных языковых систем. Обычный в этих случаях аргумент о «потерях» в переводе, например высокохудожественных поэтических произведений, всевозможные недостатки в переводах, скажем, классиков литературы, не могут опровергнуть положение о совместимости и взаимопереводимости семантико-языковых систем, имеющих в основе единую логическую базу. Подобный аргумент действителен только для переводчиков, но не для перевода, ибо степень таланта определяет и степень приближения не только к полноценному, но и к идеальному переводу⁴.

⁴ См. обсуждение этой проблемы в работе [Латышев 1983]. Приведем по этому поводу также следующее суждение: «Каждый, кто владеет более чем одним языком, конечно, знает, что совершенные переводы с одного языка на другой — явление чрезвычайно редкое, если вообще возможное. Однако эти затруднения, хорошо известные всем переводчикам, следует четко отличать от обсуждаемой нами ситуации — невозможности описания на одном языке положения дел, которое вполне можно описать на каком-либо другом языке. Обычные, хорошо известные переводческие трудности имеют совершенно иную природу. Ясное, простое и легко понимаемое высказывание, сформулированное по-французски или по-английски, может, к примеру, потребовать очень сложного и неуклюжего перевода, скажем, на немецкий язык, перевода, который даже труден для понимания. Другими словами, эти известные каждому переводчику обычные трудности заключаются в том, что может оказаться невозможным

Независимо от фиксации в отдельных единицах языка тех или иных признаков бытия вещей или явлений, связанных с конкретными историческими условиями развития общества и характера овладения этими явлениями в процессе трудовой деятельности (особенности природных условий, особенности добывания пищи, особенности освоения природных богатств и т. д.) и находящих свое выражение в особенностях номинации (выбор признака), отображение картины мира будет адекватным в самой системе, поскольку категориальный аппарат и абстрактный характер логических форм мышления един по своей природе для всех людей.

Соотношение «языка и объективной картины мира» не есть проблема истинности или ложности представлений человека о мире, его идеальной, мыслительной

эстетически адекватный перевод. Однако это не означает, что невозможен любой перевод данного высказывания» [Поппер 1983, 576—577]. Ср. также: «Степень сохранения национальной специфики оригинала в переводе зависит не только от мастерства переводчика, но и от цели, которой руководствуется постановщик произведения, принадлежащего иной локальной культуре. Если целью перевода и постановки такой пьесы является приближение оригинала к культуре (способу мышления) носителей языка перевода, то осуществляется и языковой, и культурологический перевод. Результатом такого перевода является отсутствие национально-специфических сигналов в тексте перевода. Полная замена одного культурного контекста на другой облегчает восприятие спектакля носителем культуры перевода» [Марковина 1981, 127]. «Таким образом, для успешной организации интеркультурного общения вообще и для интеркультурного общения искусством, в частности, необходимо знать, что не совпадает в двух локальных культурах-коммуникантах. Иными словами, следует знать национально-специфические характеристики речевого, кинесического, эмоционального поведения, присущего данным культурам, ибо эти специфические характеристики могут стать препятствием для адекватного понимания носителями одной локальной культуры инокультурных участников коммуникации» [Там же, 128].

картины мира. Сам язык не может быть ни истинным, ни ложным по отношению к первичному миру, ибо он такой, каким видят люди реальный мир, а характер его вторичности не накладывает никаких ограничений на возможность формирования различных высказываний о мире во всем многообразии его бытия. Именно это качество языка — быть изначально формой материализации вторичного мира — создает предпосылку для функционирования его в качестве средства установления истинности или ложности логических операций, производимых с помощью комбинаций различных понятий и умозаключений, в плане их отображения фактического положения дел. Ср.: «Мировоззрение находится не в словах, а в голове (в американском фольклоре есть такая сентенция: *Guns don't kill people, people kill people* 'Ружья не убивают людей, люди убивают людей') [Bolinger 1980, 68]. Не слова посредничают в отношениях друг с другом, индивида с самим собой и с окружающим миром. Бытие определяет сознание людей. А языковая деятельность не только помогает формировать это сознание, но и составляет часть бытия» [Комлев 1981, 37].

Язык не может раскрывать истину бытия только через свою форму — через материю знака. Субстанция знака не имеет прямого отношения к объекту. Закономерности мира отражаются и познаются только в концептуальной системе человека. Вот почему язык со стороны внешней, знаковой формы не образует, по выражению Маркса, «самостоятельного царства». Язык изначально связан непосредственно с мышлением, и в гносеологическом плане действительно отношение не «язык—мышление—мир», а «языкомышление—мир». Правильно поэтому говорить также не о языковой картине мира, а о языкомыслительной картине мира, т. е. о концептуальной картине мира. Человеческим фактором в этом случае является не создание языковой

картины мира, а создание языка как средства выражения мышления в биологическом филогенезе человека и его мозга как высшей организации материи. Познание мира не есть поэтому познание языка, а правильность языковых выражений совсем не означает правильности, установления объективной истины (ср. у Карнапа: Цезарь является простым числом — цит. по: [Павилёнис 1983, 28]).

Мечта логиков об идеальном естественном языке как строго формальной системе, всегда однозначно маркирующей истинность или ложность соответствующего утверждения, «протиестественна», а в гносеологическом плане неправомерна, поскольку «единство языка и мышления» подменяется только языком как знаковой субстанции. Истинность или ложность соответствующих смыслов языковых структур должна верифицироваться не комбинацией языковых знаков, а правильностью смыслового отображения действительных закономерностей бытия, явлений, процессов и т. д. Причем верификация истинности смысла языковых структур, а следовательно, и истинность концептуальной, отражательной картины мира, другими словами, адекватность понятийной системы человека системе отношений реальных объектов зиждется не на условиях комбинаторики знаков, а в конечном итоге на проверке соответствующих познавательных актов в процессе практической деятельности человека по освоению мира.

Форма языкового выражения познавательного процесса мышления может рассматриваться как знаковая, что в целом принято в современной науке, однако с тем условием, что сам знак выполняет свою функцию обозначения мыслительных, а в итоге и материальных объектов только в качестве материализованной субстанции, но не в качестве какого-либо самостоятельного способа переработки гносеологической информации, ав-

тономного средства в интерпретации отражательной деятельности человеческого сознания.

Языковой знак в этом плане действительно является независимым по своему происхождению от объекта — он является лишь способом общественно-практического закрепления в языковой, т. е. в знаковой, системе всего содержания мышления. Знаковая природа не делает язык особым знаковым алгоритмом, который функционирует по своим имманентным законам, а следовательно, по своему существу не трансформирует познавательный процесс. Языковая знаковая система в полном объеме включается в механизм так называемого вторичного мира, т. е. мира, формируемого в сознании человека на основе отражения и зависимого от объективного мира⁵.

Признание языковой системы в качестве знаковой не может вносить новых элементов в понимание сущности языковой системы как способа материализации мышления, не может ни исказить, ни деформировать исконную функцию языка. Знаковая природа языка отнюдь не означает необходимости видеть в ней систему отношений знаков, т. е. признать только ее релятивистский характер, — наоборот, это означает правильное постижение ее онтологии, ее сущности как выразителя мышления, которое, в свою очередь, является лишь отображением реального мира. Здесь надо еще раз подчеркнуть, что языковой знак является первичным по отношению ко всяким возможным знаковым системам, построенным для тех или иных эвристических или прагматических целей. Все знаки, кроме языковых, поэтому являются конвенциональными и существуют только на основе заранее выработанной с помощью естественного языка программы и законов мышления. Принципиаль-

⁵ Ср. другую точку зрения: [Серебренников 1988]. (Прим. ред.)

ная разница между первичной и вторичной знаковыми системами снимает вопрос об автономности языкового знака и открывает действительный простор для построения любой знаковой системы на условиях конвенциональности. Все, так сказать, миры, существующие в системе конвенциональных знаков, не имеют непосредственного отношения к реальному миру (только опосредованное), в то время как языковой знак, языковая знаковая система имеют непосредственное отношение в качестве первичного способа закрепления отображенного человеком объективного мира. Если можно говорить о том, что сознание человека как идеальное построение объективного мира коррелирует с объективным миром, то языковой знак существует в рамках закономерностей этого мира; системы же конвенциональных знаков интерпретируются как относящиеся к «третьему» миру, т. е. миру умственных построений. Языковая картина мира есть «вторичное» существование объективной картины мира; конвенционально-знаковая система является не картиной мира, а картиной всевозможных логических операций.

Оперирование языковыми знаками происходит только в пределах заданной структуры языка, что дает возможность интерпретировать те или иные положения и утверждения, выраженные языковыми средствами, но не изменять в целом базовую структуру, заложенную в языке.

Проблема так называемой референции не есть проблема референции единиц языка, а есть прежде всего глобальная проблема, так сказать, референции идеальной картины мира, зафиксированной в языке в его отношении к реальному миру. Ср.: «Центральным для теорий референции является вопрос о роли значения в установлении связи между именными выражениями и объектами действительности, с одной стороны, и в формировании смысла предложения и его истинно-

сти — с другой» [Арутюнова 1982, 20]. Все аспекты референции такого типа, как денотация, именование и указание в принципе должны решаться только в плане адекватности вторичного и первичного миров.

Референция, можно сказать, есть свойство не языковых знаков, а свойство языка, создаваемого билатеральностью отношения человек—мир, мышление—мир. Идеальный мир как человеческий атрибут референционален только по отношению к реальному миру, а проблема референции в конечном итоге есть референция «субъект—объект».

Весь язык в целом есть собственно человеческая форма именованного объективного мира, и независимо от того, в каких единицах оно выражается, суть референции состоит в том, что в основе этой соотнесенности лежит предпосылка конечной адекватности двух миров — мира вещей и мира понятий — объективного мира и его отражения в мышлении человека.

При рассмотрении вопроса о референции как для имени, так и для целого высказывания, особенно применительно к конкретным языкам, необходимо учитывать характер бытия предметов и явлений. Разграничение референции на референцию, относящуюся к предмету, и референцию, относящуюся к свойству, отражает разграничение, свойственное и материальному, и идеальному мирам, и может своеобразно трансформироваться в различных языках в соединении слов в синтаксических конструкциях, и прежде всего в предикации.

Некоторые авторы [Арутюнова 1982, Падучева 1979] указывают, что часть имен имеет отношение к классу предметов, и отводят им функцию в основном подлежащего, другая часть имен выражает свойства и доминирует в предикации. Это разделение условно, однако имеет основание: в основе номинации лежит нерасторжимое и противоречивое диалектическое единство пред-

метности и свойства как способ бытия самой вещи. В одном случае предмет именуется через свойство, в другом случае — свойство через предмет, хотя в действительности и само свойство одновременно указывает на класс предметов, обладающих этим свойством. Референциальный смысл слов должен иметь отношение как к предмету, так и его свойству одновременно, что и создает функциональную подвижность слов в синтаксических структурах. Высказывание *Иванов — врач* наглядно демонстрирует это противоречивое единство. Имя *Иванов* служит обозначением субъекта, а имя в предикатной функции *врач* одновременно приписывается как качеству, свойству Иванова, так и свойству класса людей определенной профессии.

В выражении *Врач — гуманная профессия* на первый взгляд наиболее выпукло предстает предикатность свойства (гуманность) класса людей, относящихся к «врачам», но одновременно понятие «гуманная профессия» включает и класс профессий, который выступает как бы совокупностью предметов-профессий. Любой пример может служить доказательством такого диалектического единства содержания слов, выступающих в разных синтаксических функциях, поэтому расчленение слов по функциям должно всегда содержать оговорку об условности самой референции и безусловности единого качества отражаемого предмета или явления — одновременно предмета и свойства. Ср: «При параллельном сопоставлении знаков и понятий в разных языках может раскрываться любопытная картина полноты и возможных пробелов в семантической системе соответствующего языка. Одни лакуны обнаружатся в строевой части языка, другие выйдут в семантическую область, соприкасающуюся с тем, что мы называли действительностью» [Комлев 1981, 31]. Картина мира, образуемая через обозначение соотношения предметов и их свойств в соответственно идентифицирующих и пре-

дикатных словах, учитывает этот фактор единства предмета и свойства в конкретных высказываниях, отражающих во всех случаях правду бытия вещи.

Содержательная сторона языковых единиц, как бы она ни была своеобразна в различных языковых структурах, должна рассматриваться как понятийная сфера, как мыслительное отражение всей совокупности качеств, свойств и их взаимосвязей в материальном мире. В обозначениях предметов материального мира понятийный ряд со всеми его качествами (абстрактность, конкретность, индивидуальность и т. д.), характером сочетаний (атрибутивный, предикативный, взаимосвязи предикативных сочетаний, суждений в цепи умозаключений и т. д.) должен также занимать свое место при анализе смысла языковых единиц, т. е. другими словами — в сфере отражения. Целесообразно поэтому из всей совокупности категорий, обозначающих предметы материального мира, для сохранения основного двуединства «мир—сознание», использовать такие названия, как 'вещь', 'факт', 'событие', 'ситуация', 'референт', 'объект' в качестве обозначения соответствующего материального (или идеального) предмета, в котором каждый конкретный смысл высказывания выделяет тот или иной пункт, становящийся целью высказывания. Этот пункт (будь то свойство или отношение) целесообразно назвать денотатом как обозначение конкретного свойства из бесконечных свойств предметов, образующих смысл данной языковой структуры. Простой денотат можно было бы считать исходным пунктом для имен и дескрипций, а сложный — для высказываний. Денотат, таким образом, является планом материального мира, а не сферой сознания, которое могло бы характеризовать категориями: понятие — сигнификат⁶. Если термин «понятие» употреблять в более стро-

⁶ Ср.: «Денотаты — это реальные и воображаемые объекты,

гом лингвистическом плане, то в языкознании наряду с ним могло бы функционировать слово «сигнификат», но тем не менее слово «понятие» более употребительно как обозначение сферы, в которой функционируют значение и смысл языковых единиц. Есть основание также и для более строгого различия таких категорий, как понятие и смысл.

Если «понятие» отнести только к обозначению предметов, их свойств и явлений, то «смысл» можно было бы считать отражением различного рода совокупностей явлений и их взаимосвязей, таких как событие, ситуация, положение дел и т. д. В этом случае категория «смысл» могла бы соответствовать семантике высказываний и текста, а категория «понятие» — словам и словосочетаниям.

Как бы ни было распространено в языкознании «разведение» категорий «понятие» и «значение» по двум параллелям: мышление — язык, их гносеологическая сущность остается единой — идеальная форма познавательной системы человека, реализуемой в языке. Признавать их разными сущностями — значит неизбежно признавать два способа отражения мира и две формы существования сознания человека. В плане же познания идеальный образ предмета, явления един, и в этом плане этот идеальный образ обозначается как понятие, причем в отличие от других форм животного отображе-

которые. имеют или могут иметь обозначение в языковом инвентаре. Напомним, что знак соотносится с лексическим понятием, лексическое понятие соотносится в речевом акте с денотатом. Денотат, таким образом, не есть конкретный телесный предмет, а только ситуационное представление о нем. Предмет, конечно, не может войти в состав слова, в то время как денотат является компонентом всякого реального высказывания. Именно из такого троичного деления содержательной структуры слова нужно исходить при описании смысла фразы, истинности и ложности предложения, а также так называемой правильности высказываний» [Комлев 1981, 32].

ния мира (чувственных образов, представлений) понятие как форма человеческого мышления определяется как обобщенное, абстрактное освоение мира. Понятие как категория мышления в гносеологическом аспекте включает в себя и его возникновение, и становление как звена познания, и его функционирование в процессе мыслительных операций. С одной стороны, понятие является объектом логики. Но так как само понятие как форма идеального отражения мира доступно только в его языковом обличьи, в словесной плоти, то, естественно, все речевые операции со словом принадлежат как бы собственно языковой системе. Если функционирование слов, словосочетаний неразрывно связано с их семантикой, т. е. с понятием как универсальной идеальной формой мышления, то лингвистика должна по необходимости исследовать все конкретные способы выражения понятия, его дифференциальные признаки в различных сочетаниях, контекстах, в динамике и статике и т. д. В гносеологическом плане можно говорить о том, что понятие — категория не языка, а познания. Однако действительная «жизнь понятия» протекает в языке, и здесь оно определяется как значение. Следовательно, понятие и значение не есть разные сущности, а, скорее всего, объекты разных наук, особенности которых не дают право расчленять онтологию предмета, как, скажем, физика и химия не имеют право утверждать наличие «двух вод» на основании исследования физических и химических свойств воды. Прочная традиция различения понятия (логика) и значения (лингвистика) зачастую заслоняла единую природу языково-мыслительной семантики и не привела к образованию одного обобщающего термина, более того — создала некоторую терминологическую избыточность (семантика, значение, смысл, концепт, сигнификат, семема и др.). Однако при всем различии задач логики и лингвистики в изучении вообще «семантики языка» необхо-

димо учитывать природу мышления человека, заключающуюся в том, что абстрактная форма отражения мира в сознании человека выступает материально в словесной форме и конкретно — в сложной динамике своих связей в бесконечном речевом процессе.

Далее, любой аспект отношения значения, понятия, смысла, с одной стороны, и объекта, денотата — с другой, может обозначаться как референция. При рассмотрении вопроса о сущности картины мира, образуемой языком, такое упорядочение терминов могло бы, безусловно, способствовать более четкому изложению вопроса о соотношении человеческой картины мира и самого материального мира.

В коммуникации в принципе могут участвовать только единицы, способные по своей структуре передавать (выражать) такие фрагменты действительности, которые могут быть охарактеризованы во всей полноте их объективного существования, их связей. Эта полнота бытия предметов и явлений в познании нашла свое отражение в логических формах, передающих через внутренние связи объективные закономерности, причем именно в такой структуре, которая позволяет отразить признаки и свойства предметов как звеньев всеобщей связи.

Такой формой в логическом мышлении является прежде всего суждение, реализуемое в языковой форме в виде высказывания. В суждении и соответственно в его языковой форме — высказывании структурируется такая связь, которая включает в себя универсальный признак связи «единичное—всеобщее». Если простое соположение, скажем, слов и словосочетаний (естественно, в их грамматическом оформлении) не выражает этой всеобщей связи, а ограничено лишь указанием на единичность какого-либо явления (независимо от степени абстрактности значений этой единицы), то высказывание не является их простым соедине-

нием, а обладает принципиально новым качеством; оно организовано по принципу «единичное—всеобщее».

Простое соположение слов *дом, книга, стол* и т. д. есть, по существу, сложение, перечисление; соположение же слов, грамматически оформленное, — *высокая стройная береза* отличается от первого ряда тем, что оно утверждает единство отображения отдельного предмета путем перечисления, например, его свойств. Соположение слов может быть качественно иным — оно может не обозначать нечто единое, а указывать именно на дробность этого единого путем указания на какое-то его свойство: *Береза стройная* — береза характеризуется через класс-свойство «стройность». Первый тип связи — атрибутивный — становится как бы лексической связью в пределах номинации; вторая же связь — предикативная — переводит утверждение в функциональный план как элемент общения, способный передавать свойства и отношения вещей (истинные или ложные).

Высказывание является простейшей единицей коммуникации: его предикативный характер есть выражение элементарной связи вещей. «Полнота и целостность языковой сферы адекватнее всего проявляется не в слове, а именно во фразе. Фраза — конкретный языкоречевой знак, знак в действии, носитель энергии, функционального динамизма, своеобразия языкового. Фраза — минимальный, относительно законченный фрагмент — выражение лингвистической действительности, с одной стороны, минимальный относительно законченный коррелят — отражение экстралингвистической (практической, теоретической или эстетической) действительности, — с другой. Это — субъективный языкоречевой аналог объективной или мыслимой как таковой ситуаций в единстве общего и единичного, сущности и явления, в ее конкретности, некое интерпретирующее видение мира» [Атаян 1982, 19].

Язык

и интерпретация познавательных фактов

Возможность интерпретации идей, положений, утверждений, концепций может быть отнесена к субъективным началам языка, т. е. к таким его свойствам, которые вырастают на базе мыслительной способности человека, но не затрагивают, так сказать, основ второго, идеального, мироустройства. Возможность использовать язык в качестве инструмента познания не означает способности этого инструмента выступать лишь в роли орудия познания. Интерпретация различных результатов, полученных с помощью этого орудия, является как бы вторичной функцией языка — первичной остается функция материализации идеального мира. «Необходимыми, . . . могут быть лишь высказывания о реальных вещах и событиях, но не сами языковые определения вещей, которые сами по себе не являются ни истинными, ни ложными. Следовательно, язык не может содержать в себе никакой науки и никакой философии, даже латентной; каждый язык в своей картине мира лишь представляет существование вещей, но не высказывается об этом существовании и, более того, язык предшествует самому различению существования и несуществования представляемых в языке вещей» [Coseriu 1982, 277]. «Так как язык дает картину мира, он не может быть одновременно интерпретацией этого мира, а, напротив, допускает различные интерпретации и различные концепции. Интерпретация или концепция требует именно дистанции по отношению к интерпретируемому предмету. Такая дистанция в языке не существует, так как язык непосредственно представляет мир. Изображать язык как интерпретацию мира означает, что либо сам мир дан для языка иначе, нежели каким-либо другим способом, чем языковой, либо язык сам себя интерпретирует. Первый тезис противоречит ис-

ходному тезису о языковой картине мира, второй тезис — бессмыслен» [Там же, 272].

По мнению Л. Витгенштейна, «философия. . . это борьба против околдования нашего разума средствами нашего языка» [Wittgenstein 1971, 142].

Приведем еще одно высказывание: «. . . идея посредствующей роли языка в понимании мира, конечно, верна: каждое слово и обобщает, и расчленяет воспринимаемое. Голубизна, тяжесть, размер, форма и т. д. отдельно от целой вещи не существуют, но отдельные слова, обозначающие их, есть. И различие этого членения мира по значениям слов в разных языках — факт. Но, с одной стороны, человек не утратил способности животных воспринимать мир и до языка; само членение мира по значениям морфем порождено предшествующим опытом народа и, следовательно, вторично; с другой стороны, словосочетания порождают новый смысл и тем самым преодолевают ограниченность значений слов и аффиксов, почему мышление снимает различие семантических структур языков. Вот почему самые разные языки могут обслуживать однотипные культуры и наоборот. Язык — не оковы ума, а средство нашего владения чужим и своим сознанием. Гумбольдтианский же языковой фатализм выведен именно из сведения языка к словарям и грамматикам» [Ибраев 1980, 29].

Системно-структурное строение языка, как говорилось выше, представляет собой идеальное воспроизведение (хотя и в материальных формах) объективных закономерностей мира, но именно эта основа и создает условие для дальнейших операций познавательного характера, протекающих в речемыслительной сфере. Эти операции представляют собой различные пути интерпретации зафиксированного в языке познавательного акта — повторяем, интерпретации, дающей возможность на основе исходной базовой идеи строить различ-

ные утверждения и выводы {прежде всего с помощью логических операций).

Дальнейшая интерпретация базовой идеи, в какой бы форме она ни была представлена, не может рассматриваться как принципиальный сдвиг в восприятии человеком окружающей среды. Любое утверждение относительно бытия вещей и явлений, представленное в языке, будь оно ложным или истинным, все равно покоится на объективных закономерностях, только на основе которых, или точнее, в координатах которых и можно установить саму истинность или ложность сделанного заключения или утверждения. Значит, нельзя говорить о картине мира, представленной в том или ином языке, как просто о языковой картине, а следует иметь в виду объективно двустороннюю (языковую и концептуальную) картину мира, но в ее внутреннем и адекватном соотношении.

Интерпретация актов познания возможна лишь в случае, когда в основе лежит единая и неизменная в своей сущности базовая структура. Этой базовой структурой является для языка его номинативно-коммуникативная природа. Образование какой-либо теории, концепции, есть своего рода вторичная функция языка—мышления. Язык не может интерпретировать сам себя (можно упомянуть здесь об аналогии с известной сентенцией о том, что человек не может поднять себя за собственные волосы). Интерпретация познавательных актов как вторичная функция сознания позволяет создавать теории, в той или иной мере объясняющие любые факты, доступные человеку как теоретически, так и практически. Именно на этом уровне и вырастает проблема истинности или ложности человеческого познания, которая подвергается проверке как в аспекте чисто мыслительной интерпретации, так и в аспекте материального эксперимента и практической деятельности человека.

Взаимопонимание людей, осуществляемое как между индивидуумами, принадлежащими к одной языковой системе, так и между группами людей, принадлежащими к разным языковым системам, может быть объяснено только одним — единой логико-мыслительной базой, на которой могут строиться различные концептуальные картины или концептуальные каркасы, другими словами, единство логической базы людей создает возможность полного взаимопонимания, достигаемого как в пределах микросистемы (взаимопонимание двух коммуникантов, обладающих адекватной концептуальной картиной какой-либо ситуации), так и в пределах макросистемы (общение между различными группами людей, имеющими неодинаковый уровень знаний, или целых народов, пользующихся разными языковыми системами, но одной универсальной логической базой). Единая логическая база создает предпосылки для любой взаимной интерпретации любых семантических микро- и макросистем, выражаемых как в индивидуальном речетворчестве, так и в общенациональном. Концептуальная система, или знание, приобретает как в индивидуальном, так и в социальном опыте (как собственно познания, так и усвоение передаваемого по традиции опыта). Однако логическая база в обоих случаях остается единой для всех людей, а следовательно, и единой для индивидуального и социального опыта людей, что и создает возможность совмещать знания всех людей в едином знании мира. В этом смысле перемещение знаний от одного индивидуума к другому или от одного народа к другому можно представить себе как перевод из одной микро- или макросемантической (концептуальной) системы в другую, но в пределах единой глобальной концептуальной системы человека. Этот перевод есть не что иное, как совмещение индивидуальных представлений о мире, приобретенных на основе личного и общественного опыта. В этом смысле нет

никаких принципиальных различий во взаимопонимании как на уровне житейском, так и на уровне научного знания о мире. И тот, и другой уровень — это уровень «обыденной практики, квазинаучных, научных, этических, гипотетических и других представлений о мире» [Павилёнис 1983, 205].

Необходимо еще раз также отметить, что основой единой логической базы человека является не только единство социального опыта и единство мира вообще, но и прежде всего единая биологическая (физиологическая) организация человека. «Нет никаких сомнений в том, что возможностью хорошо понимать друг друга мы частично обязаны тем многочисленным общим физиологическим механизмам, которые встроены в нашу генетическую систему» [Поппер 1983, 589].

Языковая система остается во всех случаях средством интерпретации в пределах одного или разных языков, средством существования концептуальной системы, но не ее демиургом и не может поэтому выступать в роли базы, тем более единой для взаимопонимания людей. Языковая система представляет и реализует семантическую систему, имеющую непосредственное отношение к объективному миру. Семантическая система — понятие широкое и обнимает собою, естественно, любое осмысленное языковое выражение, которое отображает тот или иной фрагмент действительности. Само же понятийное представление этого фрагмента — житейское или научное, истинное или ложное — не регистрируется самой формальной системой, а объясняется и верифицируется в пределах концептуальных систем. «Естественный язык хотя и характеризуется определенной синтаксической системой, которая выявляется посредством различных формализмов, но не представляет собой определенной концептуальной системы, а является средством их построения и символического представления. Поэтому анализ языка в пла-

не создания его семантической теории является конструктивным в той мере, в какой он ведет к раскрытию принципов образования и функционирования концептуальных систем. Абсолютизация „семантики языка" ведет в конечном итоге к отрыву от самого процесса познания, т. е. от основного условия образования и функционирования отражающих познавательный опыт носителей языка концептуальных систем» [Павилёнис 1983, 263—264; см. также: Будагов 1984].

Можно утверждать, что никакой язык, никакая его микросистема не могут быть препятствием для взаимной адекватной интерпретации фактов действительности, представленных как в житейском опыте, так и в той или иной аргументированной теории. Любая теория есть, так сказать, зафиксированная в языковых выражениях определенная концептуальная картина мира, отражающая ступень познания объекта. Для носителя языка любая теория, относящаяся к объяснению мира, не привязана к самому языку, а, естественно, соотносится с тем объектом, на который направлена соответствующая теория. Тем более, языковая система не связана с истинностью или ложностью самой теории. Вот почему возможна в любой момент смена теории в пределах одной и той же языковой системы. Теория Коперника или Птоломея, Ньютона или Эйнштейна никогда не затрагивала саму языковую систему, а смена теории никогда не приводила к смене языка, более того, подтверждение или опровержение теории строится также в пределах одной и той же языковой системы. «Сам Уорф и некоторые из его последователей утверждали, что все мы живем в своего рода интеллектуальной тюрьме: тюрьме, стены которой возведены структурными правилами нашего языка. Я готов принять эту метафору, хотя следовало бы добавить, что это очень странная тюрьма, поскольку обычно мы не сознаем факт своего заключения. Осознавать это мы начинаем только

при столкновении культур. Однако в таком случае само это сознание позволяет при желании разорвать тюремные оковы, поскольку мы вполне можем выбраться из заключения при помощи изучения нового языка и сравнения его с нашим собственным» [Поппер 1983, 581].

Дискуссия по той или иной теории в принципе возможна лишь при условии, что она проводится на единой или сопоставимой базе, при отсутствии которой любая теория была бы взаимоисключаема, несоизмерима, не сопоставляема, что привело бы к хаосу в научных знаниях. «Наш взгляд на мир в каждый данный момент неизбежно пропитан теорией. Однако это не мешает нам продвигаться ко все лучшим теориям. Как же мы это делаем? Существенным шагом в этом направлении оказывается языковое выражение наших убеждений. Оно объективирует наши убеждения и создает возможность превращения их в объекты критики. Тем самым наши убеждения заменяются конкурирующими теориями и конкурирующими предположениями, а критическая дискуссия по поводу таких теорий обеспечивает возможность прогресса» [Поппер 1983, 582]. Еще один аргумент: «Наши тюрьмы — это наши каркасы. И все те, кому не нравится пребывание в тюрьме, будут противостоять мифу каркаса. Они будут приветствовать дискуссию с партнером, который явился из другого мира и принадлежит к другому каркасу, поскольку такая дискуссия представляет им возможность обнаружить до тех пор незримые оковы, разбить эти оковы и тем самым выйти за пределы самих себя. Это разрушение нашей тюрьмы, конечно, происходит не по шаблону; оно может быть только результатом критических усилий или, иначе говоря, творческих усилий» [Там же, 581].

Проблема взаимопонимания людей как в пределах житейского поведения, так и в пределах создания и развития научных теорий является фундаментальным во-

просом любой теории познания, которая в конечном итоге должна дать надежду человеку на то, что он как представитель определенного народа и носитель определенного языка не является Робинзоном на планете, а является членом великого сообщества людей, несущих ответственность за судьбы мира. «Это тем более важно, что в наше время все возрастающая эскалация производства вооружений сделала дальнейшее существование человечества почти тождественным с достижением взаимопонимания между людьми» [Поппер 1983, 559].

Необходимо четко разграничивать два уровня, а именно: уровень отображения в языке-мышлении закономерностей объективного мира, его структур и свойств, и уровень, на котором производятся операции с этими структурами в целях построения той или иной теории. Для правильного понимания проблемы, обозначаемой обычно как языковая картина мира, это различие уровней является принципиальным, так как исключает возможность соотносить непосредственно самое структуру языка с миром, привнося в это соотношение одновременно и интерпретацию в языковых формах картины материального мира.

Интерпретация как построение некоторой философской системы взглядов на мир на основе логических процессов, фиксируемых в языке, может быть как личностной, так и социально-общественной.

И в том и в другом случаях жизненный опыт личности и исторический опыт общества служат базой, на которой могут строиться те или иные утверждения относительно бытия мира и общества, но которые в процессе интерпретации того или иного ложного положения все равно в итоге повторяются практической деятельностью, а сумма ложных и истинных положений, принятых в том или ином обществе в определенный исторический период, создает картину мира как мировоззре-

ние в том смысле, который определяется не искажающей природой языка и мышления, а степенью познания объективных закономерностей.

Вторичная форма использования языка, а именно форма, закрепляющая идеи и концепции человека, т. е. форма, воплощающая в определенных текстах мировоззрение человека, не может рассматриваться как чисто субъективное явление, поскольку и само мировоззрение как идеальная сущность в целом принадлежит бытию мира. Человек как субъект и производитель вторичного мира, в свою очередь, является объектом, познавательная деятельность которого базируется на всеобщих материальных закономерностях, определяющих полное соответствие объективного и субъективного миров. Естественно поэтому, что понимание и интерпретация языковых форм, прежде всего речевых актов, в которых заключена познавательная информация, не есть чисто субъективный акт, т. е. акт приписывания тексту определенного содержания в зависимости от установки одного субъекта, но акт интерпретации содержания текста разными лицами, и построение, таким образом, такой концептуальной системы, которая определялась бы многими чисто индивидуальными особенностями носителей языка «В рамках теории „структура текста — структура мира" („Textstruktur — Weltstruktur Theorie")», как и в других теориях, не производится непосредственная семантическая интерпретация текстов или их отдельных композиционных единиц, а сначала подлежащему интерпретации тексту на естественном языке приписывается каноническая репрезентация, которая в дальнейшем и интерпретируется» [РЖ 1983, 27].

Формулируется следующее определение дескриптивной когерентности: интерпретатор считает текст с позиции некоторого лица дескриптивно когерентным, если он в состоянии поставить в соответствие этому тек-

сту определенный коррелят, являющийся целостным с точки зрения этого лица. Коррелят понимается как фрагмент мира, который интерпретатор приписывает интерпретируемому тексту. Более того, это определение не исключает, что некоторый текст, не являющийся когерентным с точки зрения одного лица, может быть воспринят как когерентный другим лицом. Это определение не исключает также, что текст, охарактеризованный как дескриптивно некогерентный, будет признан когерентным на уровне экспликативной (=экспланаторной) и/или оценочной интерпретации [Там же, 29].

Адекватность интерпретации основывается в конечном итоге на теоретико-практическом результате познания, отображающего тот или иной фрагмент мира по его объективным свойствам. Интерпретация текста в конечном итоге, независимо от особенностей субъекта, личностных интересов, должна быть адекватной именно фрагменту мира, а не настроению личности; в принципе, разнородная интерпретация любого языкового отрезка, в частности текста, должна была бы привести к разрушению не только интерпретации, но и всякого понимания текста, поскольку в этом случае был бы утерян объективный показатель когерентности содержания языковых выражений и референции.

Все акты познания, находящие свое выражение в языке или, другими словами, все наши утверждения, сделанные в языковой форме, имеют смысл только по отношению к миру, но не по отношению к самому себе. «Само понятие истины формулируется для предложений языка, потому что объекты и события материального мира сами по себе ни истинны, ни ложны. В свою очередь, предложения, описывающие эти объекты и события, истинны не сами по себе, а благодаря тому, что являются более или менее верным отображением реальности. Таким образом, истина не есть характеристика чисто языковых образований, взятых вне их сопоставле-

ния с внеязыковой реальностью» [Целищев, Петров 1984, 34—35].

Еще раз подчеркнем, что соотношение наших высказываний и истины, переносимое только в план языка, практически превращает язык как бы в самовысказывающийся механизм, в котором языковая дискрипция соотносится с самим же языком. Проблема истины в этом случае остается предметом только языка, взятого только со стороны его формальной логической семантики, а объективный мир отодвигается на второй план как несущественный элемент практической и теоретической верификации.

По утверждениям некоторых представителей семантики, сама онтология становится относительной, ибо она может быть оценена только применительно к существующим теориям, а следовательно, к языковым выражениям.

Можно сказать, что неизбежным логическим и историческим вариантом такого взгляда на язык, как самовыражение знания человека и истины, явилась концепция модальной интерпретации высказываний, а затем и построение модальной логики, вынужденной создавать референциальные модели различных языковых утверждений⁷.

Для естественного языка, если рассматривать его как действительное средство общения людей, существующих в определенном мире, проблема возможных миров в онтологическом плане не вполне релевантна, так как построение любого возможного мира является чисто теоретико-познавательной проблемой, свидетельствующей о силе знаний человека, но не о факте отображаемости в этих знаниях, а следовательно, и в языке, прежде всего того мира, в котором живет человек.

⁷ По этому вопросу см. [Целищев 1977; Крипке 1974; Хинтика 198JJ].

Естественно, язык неотделим от человека не только познавательно, но и материально, т. е. биологически, и он генетически привязан только к единственному реальному миру, прежде всего нашей планете и нашему космосу, поэтому картина мира, а следовательно, и все операции с теми объектами, которые присущи реальному миру, по необходимости должны «референциально» соотноситься с реальным объектом, идентифицироваться в реальном мире [см. Целищев, Петров 1984, 120—121].

Рассмотрение языка в его коммуникативной и одновременно познавательной функции должно четко соблюдать первоначальные условия существования самого языка как атрибута человека в нашем материальном мире и проводить четкую границу между объективным миром и теоретико-познавательными системами, которые формируются как вторичный идеальный мир и конечной целью которых все равно является познание исходной онтологии, т. е. окружающего мира.

Языковые средства и языковая система в их отношении к выражению категории мышления

Картина мира, заключенная во всей семантической системе языка, есть продукт познавательной деятельности человека, что неизбежно заставляет рассматривать семантику языка как в синхронном, так и диахронном плане, только во взаимосвязи всех познавательных актов. Любая интерпретация отдельных познавательных актов, выраженных в тех или иных языковых структурах, взятых изолированно, может быть адекватной только при учете всей цепи соответствующих познавательных актов, другими словами, не только самого языкового выражения, но и знания о действительных

ситуациях, приобретенных человеком на основе как своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах (текстах)⁸. При таком цельном подходе к семантической картине языка можно избежать ошибок прямых сопоставлений значений отдельных языковых структур в различных языках, экстраполяция которых вообще неправомерна, если признавать существование национальной языковой картины мира.

Когда говорят о том, что каждый язык каким-либо образом, но тем не менее своеобразно представляет мир в значениях своих единиц (лексика), в особой образности (фразеология), в особой конструкции понятийных категорий (грамматика), то, как правило, это утверждение объясняется тем положением, что языковое

⁸ Ср.: «Именно выявление значимости фактора концептуальных систем, думается нам, делает необходимым пересмотр одной из фундаментальных установок современного логического анализа естественного языка, заключающейся не только в разграничении, но и в противопоставлении знания языка знанию мира носителей языка» [Павилёнис 1982. 83]. Речь идет о возможности разграничения так называемого «лингвистического знания» как информации, относящейся к семантической системе языка, или просто «семантике языка», от так называемого «экстралингвистического знания» как информации, относящейся к знанию мира носителями языка, семантической от несемантической (прагматической) информации, «объективных» от «субъективных» смыслов и т. п. «Обоснованность такого разграничения — это не просто академический вопрос, занимающий логиков и лингвистов. Философский интерес этого вопроса — в методологической значимости предполагаемого при этом понимании отношений человека, языка и мира с точки зрения марксистской гносеологии, в определении функции языка в познании мира как его отражения человеком — носителем языка. Именно рассмотрение соотношения семантики и прагматики дает возможность адекватным образом выяснить, в какой мере необходим учет этого человеческого фактора в теоретическом анализе языка как средства понимания мира и коммуникации» [Там же, 82].

значение отдельных форм значительно отличается друг от друга по конкретным языкам, что и должно якобы служить основанием для утверждения о различной категоризации мира, другими словами, о создании отдельными языками различных картин мира. Однако дело ведь в том, что каждый конкретный язык как языковой вариант человеческого языка вообще в своем своеобразии не искажает и не преобразует действительность, а через глобальную семантическую систему всей совокупностью своих средств отображает единую природу мира в концептуальном аппарате человека, как универсальной понятийной системы, коррелирующей с реальным миром на основе принципа отражения. Своеобразие каждой языковой системы состоит именно в особенностях комбинации значений и языковых единиц, результируемых так или иначе в единую семантическую картину мира. Здесь можно было бы провести аналогию с известным явлением, когда какое-либо событие или реальный феномен природы получает самое различное описание со стороны коммуникантов, в соответствии с их индивидуальными качествами и признаками объекта, выбираемыми индивидуумом из бесконечного разнообразия.

Как известно, наполовину наполненный стакан можно определять, как наполовину пустой и наполовину полный, что будет в обоих случаях абсолютно истинно отражать реальное положение вещей и что не будет свидетельствовать о каком-либо особом видении мира индивидуумом или о создании этим индивидуумом особой картины сосуда, ибо языковое выражение и его соответствующее понятийное содержание адекватно отражает реальные признаки указанного факта.

Национальную картину мира, выражаемую языком, зачастую подменяют понятием так называемых национальных значений отдельных слов и выражений конкретного языка или особенностями этимологии слов.

Никто не может отрицать тот факт, что объем значений слов в различных языках, относящийся к аналогичным референтам, может быть разным, и в соответствии с этим каждое соответствующее слово имеет свой особый круг употребления — от широкой многозначности до омонимии. Но мы уже говорили, что сопоставление отдельных слов с их различным значением в разных языках не является свидетельством особой национальной картины мира, а есть лишь факт, говорящий о том, что взаимодействие лексических значений в пределах словосочетаний и высказываний одного языка однозначно семантически маркирует тот или иной референт, несмотря на все своеобразие тех или иных словосочетаний. Значения отдельных слов не создают картины мира — картина мира есть прежде всего познавательный, когнитивный феномен, и он может быть сопоставим только в масштабе глобальной семантической системы языка. Здесь уместно привести высказывание Б. А. Серебренникова: «Континуум окружающего мира в разных языках мира членится по-разному. Это выражается в том, что объем значений слов в разных языках мира не одинаков. . . Однако все эти различия не являются выражением какого-то особого национального духа, якобы присущего каждому народу в отдельности. В этих явлениях нет никакой особой национальной идеологии» [1983, 139].

Любое адекватное описание какого-либо объекта не есть субъективное примысливание, а лишь отображение тех качеств и свойств объекта, которые в нем объективно заложены и которые обнаруживаются различными субъектами по различным мотивам в познавательной и информационной деятельности. Этот путь есть единственный путь приближения нашего познания к объективной истине (раскрытие бесконечных сторон предмета), складывающийся в результате деятельности множества субъектов. Взаимное обогащение познанием

представляет собой обмен мыслями и информацией, т. е. обмен знаниями, фиксирующими установленные в определенной ситуации тем или иным индивидуумом какие-либо качества или свойства предмета. Это положение равно относится как к науке, так и к искусству и в первую очередь словесному искусству. Можно привести бесчисленное количество примеров так называемого художественного видения мира, особенно в области поэзии, где одно и то же объективно данное явление оборачивается той или иной стороной в зависимости от поэтической темы автора⁹. Этот автор-

⁹ См., например, интересное наблюдение А. Белого: «Три поэта трояко дробят нам природу; три природы друг с другом враждуют в их творчествах; три картины, три мира, три солнца, три месяца; три воды; троякое представление о воздухе; и — троякое небо» (*Белый А. Поэзия слова.* — Цит. по: Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 552). «Три неба: пушкинский „небосвод" („синий", „дальний"). Тютчева „блажосклонная твердь" (вместе и „лазурь огневая") и „баратынское" небо — „родное", „живое" и „облачное". Небосвод, небо, твердь — три словесных символа, данных нам в трех картинах — материал трех статей. Но я опускаю статьи, их суммируя в трех классических моделях о небе.

„Небосвод дальний блещет" — гласит нам поэзия Пушкина; и гласит поэзия Тютчева: „Пламенно твердь глядит"; и — „облачно небо родное" — сказал бы нам Баратынский на основании собрания и обработки суммы всех материалов о нем» (Там же. С. 554).

«Ночное светило у Пушкина — женщина, она, луна, враждебно-тревожная царица ночи (Геката); мужественно отношение к ней поэта, она тревожит, — он действие ее обращает нам в шутку и называет «глупой» луну, заставляет ее сменять «тусклые фонари»; в 85 случаях 70 раз у него светило — луна, и 15 раз всего — месяц (не правда ли, характерный для тонкого критика штрих?).

Наоборот, Тютчев знает лишь «месяц» (почти не знает «луны»); он — «бог», и он — «гений», льющий в душу покой, не тревожащий и усыпляющий душу; женственно отношение к «месяцу» души Тютчева; и она миротворно влечется за ним в «царство теней».

ский субъективизм выразительно представлен в рассказе французского писателя-сатирика Р. Девоса «Задом-наперед, или Каждый свидетельствует на свой лад» (сб. «Скетчи»):

Полицейский опрашивает трех свидетелей автомобильной аварии — рабочего, буржуа и дэнди.

Полицейский (П.) — Итак, как же это произошло?

Рабочий (Р.) — Выхожу я из бистро, смотрю: несется как сумасшедшая Мерседес 22-ОСЕ. Смотрю, навстречу ей — какой-то идиотский пес с дурацкой мордой... Ну, надо же! Этот тип как тормознет! А скользко, — вот машину и занесло. А уж если заскользила. . . , не остановишь. Он перелетел кверху задом...

П. — Ну и кто же, по-вашему виноват?

Р. — А кто его знает, наверное, пес.

П. — Спасибо. Следующий!

Буржуа (Б.) — Машина должна была ехать на очень большой скорости. . . Дело в том, что люди теперь ездят как бешеные. . . , особенно молодые.

Так вот, водитель подъехал к перекрестку. . . Он должен был увидеть, как собака, одна, без хозяина, переходила улицу! У нас же теперь собаки болтаются, где угодно!

П. — К делу, месье, к фактам!

Б. — Когда водитель увидел собаку, он, должно быть, постарался затормозить. . . но, так как улица была покрыта наледью. . . это должно было случиться!!! Так вот, машина заскользила, перевернулась, налетела на собаку и потом врезалась в мою машину, которая там стояла. Ох, к досталось же моей машине в 4 лошадиных силы. Именно ей, месье, больше всего досталось.

П. — А, вы владелец этой машины? (4 л. с.)

Б. — Именно.

П. — Вы застрахованы?

Пушкинская «луна» — в облаках (статистика нам ее рисует такую); то она «невидимка», а — то «отуманена»: «бледное пятно» ее «струистого круга» тревожит нас своими «мутными играми* (все слова Пушкина!), ее движенья — коварны, летучи, стремительны: «пробегает», «перебегает», «играет», «дрожит», «скользит», «ходит» (небо «обходит») она переменчивым ликом («полумесяц», «двурогая», «серп», «полный месяц») (Там же. С. 552—553).

Б. — Естественно. Я застрахован, но моя машина стояла не с той стороны. . . Этим, конечно, воспользуются, чтобы затеять тяжбу со мной. Я в этой истории влетел минимум на сто тысяч на ремонт!

П. — Вы были в машине?

Б. — Нет, я был дома, я тут живу, над кафе. Вдруг раздался шум удара: бум! Он разбудил меня!

П. — А вы что, спали?

Б. — Ну да.

П. — Так вы, значит, ничего не видели?

Б. — Нет! Но это легко себе представить...

П. — Ваше свидетельство не имеет силы, потому что вы спали.

П. — Ладно, проходите. . . Следующий!

Дэнди (представившись). (Д.) — Видите ли, господин полицейский. . . Я отправился на бега в Лонгшан, чтобы посмотреть, как бежит двухлетка барона Молестейна, и вдруг, на перекрестке улицы Риволи и улицы Лувра, я вижу собаку, великолепного боксера с гладкой, густой, блестящей шерстью, морда будто вдавлена внутрь, что заметьте, характерно именно для боксеров. . .

П. — Достаточно и того, что это была собака!

Д. — Да, короче! Я вижу, как эта собака сходит с тротуара, по которому я шел, и переходит на противоположную сторону улицы. Боже, какой у него был аллюр!

П. — Короче!

Д. — Да, короче говоря. . . Собака переходила улицу, когда появилось то, что принято называть машиной. Прогресс осмеливается называть мотор лошадьми. . . Боже ты мой!

П. — Короче!

Д. — Короче. Собака, почуяв опасность, останавливается. Водитель слишком поздно увидел ее? . . . Во всяком случае машина, повернувшись вдоль своей оси, налетает на собаку. Бросившись к месту ее падения, я вижу, что собака была коротковата в спине, с головой в форме куба и с хвостом, ампутированным на уровне четвертого хвостового позвонка. Иными словами, с ним ничего не случилось. Чуть оглушило его. . .

П. — Благодарю вас!

(Полицейский заходит в кафе, снимает трубку и передает свой рапорт): Машина, зарегистрированная под номером 9-11-22 в Сен-Мор-де-Фоссе департамента Вал-де-Марна и принадлежащая господину Боксеру, родом из Мерседес 2230-ф-94, столкнулась из-за гололедицы с другой машиной в 4 лошадиных силы — жеребенок которых, принадлежащий господину Молестейну, который проживает в том месте, где произошел несчастный случай.

По свидетельству очевидцев, г-н Боксер, который мирно дремал у окна своей машины, ехал слишком быстро. . . Заметив, но слишком поздно, породистую собаку, роскошного мерина с длинной шерстью, водитель выжал тормоз до кости, чтобы не наехать на собаку. Короче, опуская детали, машина устроила полную несуразицу, раздавив собаку, а потом, налетев на 4 лошадей, она раздавила в конце забега лошадь, которая, по словам хозяина, могла принести ему сто тысяч франков (сокращенно)¹⁰.

В этом остроумном скетче практически представлена проблема субъективного отражения ситуации в соответствии с той или иной установкой авторов текста, профессиональная и социальная принадлежность которых как бы определяет угол зрения на одну и ту же ситуацию. При этом нельзя утверждать, что порожденные тексты представляют субъективные картины ситуации, — здесь речь может идти только о выборе тех или иных сторон, признаков, свойств бесконечно многогранной ситуации, диктуемых, действительно, установкой субъекта, но установкой не по линии конструирования субъективной картины, а лишь в аспекте отображения реальных качеств ситуации. В идеале любая ситуация, обладающая необозримым числом характеристик, может быть описана адекватно со всех сторон только в бесконечном приближении через отдельные ограниченные познавательные акты. Другими словами, с точки зрения соотношения субъекта и объекта, картина мира в языковом выражении сохраняет свои реальные качества, а роль субъекта сводится лишь к выбору тех или иных реальных качеств, но не их имманентно субъективному конструированию. Событие, определяемое с разных сторон, а следовательно, с разных денотатов получает разные описания, но описания сливающиеся в одно определение сложного события: «Работали два каменотеса. — Что делаете? — спросил их прохо-

¹⁰ *Davos R. Ça n'a pas de sens. P., 1968.*

жий. — Тешу камень, — ответил один. — Строю дворец! — гордо сказал другой». Известная притча приобрела глубокий философский и лингвистический смысл.

В какой-то степени к явлению индивидуального восприятия факта, события примыкает и так называемое национальное видение мира.

Как мы уже говорили, вся система языка настолько сбалансирована, что ее лексико-грамматический потенциал, несмотря на всю оригинальность фонетической, лексико-семантической, этимологической и грамматической систем, в любом языке дает возможность отразить любой предмет, любое объективное отношение явлений адекватно их естественной природе. Как бы ни были своеобразны наименования тех или иных предметов и явлений в различных языках, они не создают какой-либо особой языковой картины мира.

«Не только свидетельства ученых, развивающих современную науку, но и вся практика человеческого общения, обмена мыслями представителей самых различных национальностей доказывает общечеловеческий характер субстанциональных понятий, понятий времени, пространства и прочих логических категорий. Если бы эти понятия, категории были обусловлены структурными особенностями языка и в этом смысле являлись относительными, как заявляют сторонники принципа лингвистической относительности, то невозможен был бы обмен мыслями, мыслительное общение между людьми, принадлежащими к разным языковым коллективам» [Брутян 1979, 178]. Вместе с тем, «Нельзя отрицать того, что рефлексивное мышление индивидуума может быть как-то обусловлено конкретным языком, ибо мышление содержит в себе и заблуждения и ошибки, и среди них может быть ошибка, относящаяся к значениям, содержащимся в отдельных языках, в их отношении к обозначаемым вещам. Однако, по существу,

невозможно, чтобы мышление (включая мышление всего народа) детерминировалось бы соответствующим языком. Конкретный язык ни про кого не думает и никто не может оправдать ошибок в своем мышлении языком или, наоборот, представлять их как „истины" языка» [Coseriu 1982, 279].

В истории человечества не засвидетельствованы какие-либо разногласия между народами из-за разных языков, когда объективно «черное» воспринималось и обозначалось как «белое» и наоборот (за исключением ситуаций с метафорическим смыслом).

Отражение мира, которое закреплялось в языке, не фиксируется в отдельных его единицах, а соотносится целиком со всей языковой системой, внутреннее строение которой является производным от общих объективных закономерностей. Если составные части языка, его элементы — слова, словосочетания, высказывания — имеют свою референцию как обозначение каких-либо отдельных предметов и явлений мира, то и все взаимосвязи этих предметов и явлений имеют свою форму существования в языке (и в сознании) в виде единой взаимосвязанной целостной сущности — языковой системы.

Языковые единицы не могут быть соположены с реальным вещами. Единицы языка должны рассматриваться как элементы структуры языка, а вся структура языка может сопоставляться со структурой мира. Направленность исследований на выяснение соотношения, например, значений имен и правильности фиксации в них объективных предметов, явлений должна исходить из того, что отдельные элементы языка (имена, предикатные структуры, различные виды высказываний) не могут представлять картину реального мира, — они могут представлять лишь его элементы.

Язык как человеческий атрибут отображает весь мир в его цельности, в его взаимосвязанности, что и по-

зволяет говорить об адекватности сопоставления мира и так называемой картины мира в его речемыслительном образе. Следовательно, истинное рассмотрение отображательных качеств языка должно быть нацелено не на сопоставление отдельных его единиц, а на практически максимально возможный фрагмент языка, который бы содержал в себе оптимальное количество признаков, позволяющих отобразить или описать то или иное явление в его истинном, т. е. реальном существовании.

Язык в целом является динамической системой, поскольку он связан с деятельностью человека, способствующей непрерывному его развитию, обогащению и совершенствованию. Однако на каждый данный момент, зафиксированный в языке в его полной системе, объективная картина мира не искажается в своей сущности, поскольку каждый уровень развития языка не изменяет самой сущности языка.

Выделенный из языковой системы какой-либо фрагмент не может быть сопоставим в целом с объективной картиной мира, как не может быть в целом сопоставимо и отдельное языковое употребление, произведенное отдельным человеком или отдельным языком. Если языковая система как целостная система способна закреплять в своих формах познанный мир, то отдельные ее части не релевантны в таком сопоставлении. Это положение относится и к отдельным изолированным речевым произведениям, в каком бы количестве они ни были представлены (например, словарь языка, различные тексты).

Природа языка заключается, как известно, не только в том, что является системой обозначений явлений мира, но и в том, что, воплощая все движение общественного сознания, является средством коммуникации. Эти два неотъемлемых качества языка — номинация и коммуникация — составляют истинно диалектическое и нерасторжимое единство, в котором органиче-

ски объединяются познавательная и коммуникативная функции человеческого сознания. Нельзя сообщать посредством языка что-то, что не относилось бы к миру обозначаемых вещей и, наоборот, нельзя обозначать нечто, что не может быть превращено в достояние общественного сознания. В этом единстве проявляется социальная сущность языка и одновременно социально-общественная сущность познавательной деятельности человека. «Проблема языковой коммуникации, речевой деятельности, тесно ассоциирована с фундаментальной философской тематикой — деятельность понимающего сознания, образование и функционирование понятий. Через эту тематику понятия „язык“, „речь“, „языковая и речевая деятельность“ входят в структуру марксистской гносеологии, базирующейся на понятиях „общественно-историческое развитие“, и „социально-историческая практика“. Только в процессе общения, сотрудничества формируются обобщенные представления, понятия, формируются обобщающее мышление, обобщающее словесное значение» [Жоль 1984, 273]. Номинация и коммуникация есть поэтому существенная характеристика языка, при которой все другие функции языка, рассматриваемые в лингвистике (экспрессивная, эмоциональная, стилистическая, прагматическая и т. д.), являются производными.

Единство языковой системы создается ее постоянным движением в определенном сообществе людей, в процессе коммуникации, отдельность языковых форм как бы снимается в этом движении.

Нормативные единицы в процессе коммуникации выступают лишь строительными элементами для осмысленного информативного общения, а познавательный акт, отображенный в речевых произведениях коммуникатов, становится всеобщим человеческим познавательным актом. Сознание в этом процессе раскрывается как одновременно индивидуальное и общественное. Отдель-

ные явления, названные в языке, превращаются в звенья закономерностей и связей, получающих свое выражение в коммуникативных единицах. Номинация и коммуникация нерасторжимо объединяются, что создает предпосылки для осмысленного (познавательного) обмена информацией в процессе теоретической и практической деятельности людей.

Мы уже говорили о том, что отдельные единицы языка не могут быть релевантными в соотношении с картиной мира¹¹. Так как сама объективная картина мира не есть сумма его объектов, то и их человеческая форма существования в языке может только тогда представлять некоторую объективную картину, когда эта языковая форма превращается в языковую систему. Такая единица языка, как слово, и поэтому не может выполнять в полной мере функции общения, поскольку через слово не передается содержательной информации как его необходимого условия.

Неспособность слова выступать в качестве единицы общения объясняется не какой-либо ущербностью этой единицы, а ее изначальным свойством — только обозначать; обозначение же какого-либо предмета или явления не может содержать в себе свойства сообщения.

¹¹ Ср.: «Картина мира, представленная в отдельном языке, является результатом познания и языкового оформления, но не является интерпретацией мира. Каждый отдельный язык представляет мир, но в принципе ничего не говорит об этом мире. Языковая картина мира поэтому не совпадает с мировоззрением соответствующего народа и не детерминирует мышление и поведение этого народа. . . Язык, таким образом, открывает путь к вещам и является предпосылкой предметного мышления, но не препятствием для этого мышления» [Coseriu 1982, 280]. Ср. также: «. . . общим местом является утверждение о том, что всякий язык воплощает в самой своей структуре определенную точку зрения на мир, некоторую философию. Совсем другое дело — доказать это, причем способом строгим и верифицируемым» [Wierzbicka. — Цит. по: Николаева 1982, 44].

Природная неспособность номинативных единиц выступать в функции сообщения объясняется как раз тем, что они не создают объективной картины мира, другими словами, не передают истинного бытия вещей, а следовательно, и не могут функционировать в познании, т. е. в общественном сознании на правах полноценных коммуникативных единиц.

Словосочетания как отдельно взятые единицы независимо от их структуры и размера (двусловные, трехсловные и т. д., безразлично — именные или глагольные) не составляют также системы языка, они не являются коммуникативными единицами и не образуют языка как такового в целом.

Проявление бесконечных свойств предметов в их взаимодействии с другими предметами мира обуславливает отражение их в познавательном акте и закрепление их в соответствующих языковых выражениях.

Предикативная структура высказывания создает возможность в языковой картине, в этом вторичном, человеческом мире представить первоначальный объективный мир в виде взаимосвязанных денотатов предметов и явлений. Это качество языка универсально, поскольку отсутствие этого свойства лишило бы язык возможности выражать структуру логического мышления, а следовательно, и адекватно отображать в коммуникации познаваемый мир.

Однако высказывание фиксирует лишь отдельные звенья из бесконечной связи, в которой находятся предметы и явления объективного мира. Истинность познания требует, однако, перехода от отдельных звеньев к совокупному миру вещей, к миру в целом. Как из отдельных звеньев составляется теоретически бесконечная связь вещей и явлений, так в принципе и из отдельных звеньев-высказываний составляется вся система языка, способного в своей целостности фиксировать доступный познанию материальный мир. В этом плане

высказывание можно рассматривать как теоретически бесконечный текст. «Содержание текста представляет собой тот семантический комплекс, который возникает в мышлении автора в соответствии с замыслом, ориентированным на цели и условия коммуникации. Он состоит из совокупности денотатов, отражающих иерархию подтем, субподтем и микротем. В мышлении он представляет собой единое целостное образование, поскольку базируется на системе предметных отношений, сформированных в интеллекте человека в его предшествующем опыте» [Новиков, Чистякова 1981, 59].

Принципиальное положение об отражении реальной картины мира только всей системой языка, а не отдельными его частями, должно учитываться при решении конкретных лингвистических проблем. Сопоставление, скажем, слов различных языков, объем выражаемых значений которых не покрывает соответственно в этих языках какой-либо один класс предметов (рус. *рука*, нем. *Hand, Arm* и т. д.), или сопоставление соответствующих грамматических форм, как например, выражение характера процесса протекания действия через указание на время его свершения или на способ завершенности какого-либо процесса (время, вид); или разбиение имен по классам, имеющих разные маркеры, или объединяющих собой разные классы вещей или явлений соответственно в разных языках (например, род имен) — все эти сопоставления могут быть правомерными лишь в том случае, если они включены в систему средств выражения смысла, охватывающего собой предметы, явления и процессы. Характер, например, многозначного слова, сложившегося в каждом конкретном языке под влиянием конкретных исторических условий и в необходимой связи со всеми другими элементами лексической системы, а следовательно, и системы значений словаря того или иного языка, не может служить основанием для утверждения об особом спосо-

бе категоризации тех или иных явлений в различных языках; например, если в русском языке не дифференцируется понятие «рука» (ср. *Он пожал руку. Он поднял руку вверх. Он обнял его*), то в немецком варьируются слова Hand и Arm.

Несовпадение значений многозначных слов в разных языках есть свидетельство того, что в слове заложены все семы и взаимоотношения сем в группе или разряде соответствующих слов, а вся микро- или макролексическая система языка (слова и словосочетания) всегда покрывают ту или иную семантическую категорию, являющуюся отображением в языке реального денотата. Сравнивая, как разные народы обозначают сходное, аналогичное лексическое понятие, например формулу прощания, мы в какой-то мере знакомимся и с образом мышления данного народа. Обратившись к этому явлению, А. Сиротинин, русский филолог начала века, рассуждал так: «Выросший под ярко-голубым небом Аттики с тонкими и изящными линиями ее красивого пейзажа, веселый и жизнерадостный грек, для которого жизнь была прежде всего наслаждением, прощаясь, недаром говорил χ^αφ^ο 'радуйся'; трезвый и практичный римлянин, сочинивший пословицу *mens sana in corpore sano* 'здоровая душа в здоровом теле', говорил 'будь здоров'; славянин, чьи взоры были направлены к высшей цели, к высшим идеалам божественной правды расставаясь, просит прощения — *прощай (прости)* — и как ярко уже в одном этом различном выборе слов, употребляемых при одном и том же случае, сказалась разница в мирозерцании различных народов» (Сиротинин А. Беседы о русской словесности. 2-е изд. СПб., 1910. С. 6—7. — Цит. по: [Комлев 1981, 31]). В истории номинации вещей и явлений отражается социальный и трудовой опыт коллектива, природные условия, но они не изменяют самой сущности природы номинации, а следовательно, не дают оснований для

утверждения о разноприродной языковой картины мира, заключенной в словах и выражениях с различной этимологией. Этимология раскрывает только этап становления слов, но не касается самого процесса отображения, единого по своей природе для всех языков человеческого рода.

Если говорить о картине мира, отображаемой в человеческом сознании и фиксируемой в языке, то по отношению к языку эта картина мира может быть составлена только при глобальном учете всего, так сказать, текста, т. е. текста, порождаемого всем обществом.

Само по себе понятие «картины мира» включает признак целостности, а эта целостность в языке может быть реализована только в масштабах всей системы, которая, в свою очередь, может быть реализована в тексте как длительном акте общения людей определенного социума. Такая постановка вопроса исключает явно ошибочное сравнение так называемых картин мира по отдельным словам и отдельным высказываниям (Б. Уорф, Л. Вайсгербер) разных языков.

Оправданно сравнение мировосприятия общества не на основе разрозненных единиц и форм языка, а на основе, так сказать, всего текста соответствующего языка, которой позволяет всей системой своих средств адекватно выражать познанные связи объективного мира.

Особенности выразительных средств национальных языков

Есть все основания считать, что проблема адекватности концептуальной и реальной картин мира, выраженных в различных конкретных языковых системах — национальных языках — по существу примыкает к общелогической проблеме синонимии языковых выражений. В конце концов языковые выражения, построенные

в пределах одного конкретного языка и имеющие один и тот же смысл, могут быть приравнены к различным выражениям, свойственным разным национальным языкам. И в том и в другом случае поверхностной структурой остается комбинация знаков, имеющих различную материальную субстанцию, но передающих идентичный смысл, делающий эти выражения синонимичными. Ни логически, ни практически нельзя считать недопустимым возможность существования и функционирования разных субстанциональных знаков, выражающих один и тот же концепт, одну и ту же идеальную сущность.

Так называемая национальная специфика языковой картины мира может интерпретироваться как специфика субстанции материального знака (имеются в виду фонетические, лексические, грамматические особенности), но не как специфика той концептуальной картины мира, которая создается не отдельным человеком и не отдельным народом — носителем того или иного языка, а человечеством как родом.

Исследователи, которые подчеркивают лишь сторону национальной специфики языка, в конечном итоге приходят к чисто парадоксальному утверждению. «Все народы по-разному представляют, изображают единый мир» [Гачев 1967, 78]. Единый мир должен был бы означать и единое его «воспроизведение», — национальная же картина мира разрушает, по существу, этот единый мир, так как каждый народ может видеть этот мир только через призму своего языка (разные миры). Но этот феномен не зарегистрирован в истории человечества, доказательством чему является логическое взаимопонимание народов и единая человеческая практика освоения единого мира.

Эта идея о едином мире незаконно зачеркивается Г. Д. Гачевым при изложении идеи о национальных языках, национальных картинах мира. Практически эта идея не находит подтверждения ни в логических, ни

в литературоведческих анализах, предпринятых автором. Так, анализ отдельных выражений и конструкций в сопоставительном плане или при переводах¹² убеждает лишь в том, что объективные признаки какого-либо явления, выбираемые тем или иным носителем одного или нескольких языков из бесчисленного количества таких же объективных признаков, включаются в соответствующую систему описаний какого-либо явления. Так, например, у Ч. Айтматова объективные признаки 'резвость', 'быстрота', 'выносливость', 'красота' передаются через значения 'конь', 'олень', 'верблюды' — в этом проявляется национальная специфика языковых образов. Смысл этих выражений адекватно воспринимается носителем иной культурной традиции, иной материально-знаковой системы за счет концептуального единства человеческого знания.

Проявление бесконечных свойств предметов при их взаимодействии обуславливает соответствующее отражение в познании и закрепление их в соответствующих языковых выражениях. Объекты познания имеют различные названия — 'вещь', 'объект', 'факт', 'событие', 'ситуация', 'денотат', 'десигнат', 'референт' и др. Обозначение предмета как единицы целого класса, или одного из целой совокупности, обладающих тем или иным свойством ('вещь', 'объект', 'референт', 'денотат'), или взаимосвязи соответствующих предметов, в которых вычленяется какое-то одно звено процесса ('событие', 'ситуация') — все это в гносеологическом плане должно рассматриваться как факты материального мира, находящиеся вне человеческого сознания и служащие содержанием языковых единиц, начиная от имени и кончая текстом.

¹² Г. Д. Гачев исследует материал произведений Ч. Айтматова (с. 84-85).

Безусловно, всякое лингвистическое исследование, рассматривающее семантику языковых единиц, должно учитывать и своеобразие того объективного факта, который лежит в основе их значения. Несмотря на различия в конкретном выражении соответствующих предметов, фактов, их качественная характеристика должна в итоге определять и характер смысловой структуры конкретных единиц в конкретных языках. В соответствии с этим картина мира, какой бы особой она ни представлялась на поверхности языкового выражения, в итоге сводима к единому миру существования материальных предметов и явлений и таким образом является адекватным выражением этой сущности в языковых формах.

Вся совокупность социально-культурных особенностей жизни конкретного социума находит, естественно, свое выражение в семантике слов. Знание этих особенностей, фоновые знания, доступные носителям соответствующего языка, трудно усваивается носителями других языков. Это особенно характерно для так называемых реалий, в значениях которых отображается именно специфика предметов и явлений (разумеется, объективная специфика), присущая конкретному опыту данного народа [см. Верещагин, Костомаров 1980; Томахин 1982]. Одним из ярких примеров языковой специфики является так называемое языковое сравнение. Эти явления хорошо известны и проанализированы во многих лингвистических и литературоведческих исследованиях, особенно по советской литературе, на материале произведений крупных национальных писателей (М. Ауэзова, Ч. Айтматова, И. Тарбы) [Национально-культурная... 1977, 23—25].

Формы языкового общения, в которых отразился социальный опыт языкового коллектива, вообще не могут быть прямо сопоставлены с картиной мира, поскольку они не связаны непосредственно с гносеологической

деятельностью человека. Они являются продуктом социального развития, надстроечными культурными категориями, а по отношению к собственной языковой системе — вторичными явлениями, другими словами, явлениями конвенционального характера. «Точнее следует говорить не о накладывании „сетки" социального опыта общества на познавательную деятельность, так как это может вызвать представление о существовании у языка активного начала, определяющего структуру познания, как это трактуется в теории лингвистической относительности Сепира—Уорфа, а о том, что социальный опыт в вербальной форме посредством языковых значений, и также в невербальной форме в виде социально одобренных операций (эталонны восприятия) опосредует познавательную деятельность» [Там же, 22].

Национальная специфика общения каждого языкового коллектива представляет несомненный интерес во многих отношениях — социальном, культурном, историческом, психологическом, однако ее не следует связывать с «картиной мира», а скорее с внешними условиями процесса общения. «Национально-культурная специфика речевого общения складывается в нашем представлении из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности (или, в лингвистическом плане, — данного языкового коллектива)» [Там же, 8].

Следует обратить внимание на одно обстоятельство. Как известно, билингвы и мультилингвы не имеют никаких сдвигов в своем сознании относительно той или иной картины мира, которая представлялась бы им в зависимости от языка, на котором они в данный момент общаются. Известен также и тот факт, что изучение любого иностранного языка, овладение им и пользо-

вание им не ведет ни к каким изменениям картины мира в сознании коммуникантов. Мир остается единым независимо от употребления конкретных языков в процессе общения индивидуумов и народов¹³.

Исследования Дж. Брунера показали, что владение языком (обучение языку) не создает преграды в виде особого мира каждого языка. Его вывод гласит: в зависимости от определенных условий среды развитие познавательных процессов может быть более высоким, ранним и более длительным. Совсем исключается, по-видимому, возможность того, чтобы разные культуры порождали совершенно различные и несопоставимые типы мышления [Брунер 1977, 355]¹⁴.

Объективный, субъективный и человеческий фактор в языке

Познавательный и коммуникативный акты являются дискретными процессами, любое звено этих процессов должно быть зафиксировано в языковой материи — в тексте, а все отдельные звенья коммуникации можно характеризовать как бесконечный текст, порождаемый обществом на протяжении всей его истории. Моментность и одновременно протяженность во времени акта общения составляют диалектическую противоположность «прерывность—непрерывность», свойственную

¹³ Ср.: «Естественный язык прямо выходит в мир связываемых им объектов или ситуаций, хотя в дальнейшем он строит категориально упорядоченную систему значений, референтами которых становятся эти первичные связи» [Мулл 1979, 331].

¹⁴ Вместе с тем, задавая различные способы деятельности, разные культуры, без сомнения, определяют разные способы использования языка и разные (в деталях) способы построения «картины мира», что в конечном счете находит выражение и в языках. (Прим. ред.)

всякому движению и развитию. На этом основании текст можно рассматривать как репрезентацию языковой коммуникации общества, одновременно как синхронно, так и диахронно. Такой подход к тексту заставляет рассматривать его познавательное содержание не в рамках отдельно фиксированного когнитивного акта, а в рамках всего процесса познания действительности.

Так называемое своеобразие обозначений явлений действительности в разных языковых системах обычно сводится к тому, что если в одном языке отсутствует какая-либо лексическая единица для обозначения соответствующего объекта, то в другом имеется или многословное (описательное), или весьма детализированное по лексемам, или грамматическое обозначение. Все подобные «несоответствия», именуемые иногда лакунами, можно было бы свести к двум типам, а именно: 1) несоответствие значений (семантическое несовпадение) отдельных единиц и категорий языковых систем и 2) несоответствия, связанные не с отсутствием языковых единиц, а с этнокультурными особенностями, установившимися в том или ином социуме.

Первый тип несоответствий, по мнению многих исследователей, проявляется в следующем:

1) отсутствие отдельных языковых единиц (прежде всего лексических) для именованя того или иного явления (например, *спутник*, *колхоз* и т. д.);

2) различия во внутренней этимологии, влияющие на характер восприятия самого объекта и возникающие отсюда концептуальные особенности семантики (например, *подснежник*— *Schneeglöckchen*);

3) несовпадение семантики языковых единиц в области перечисления особенностей и обозначения общего признака в различных подъязыках, (например, сельскохозяйственная лексика, профессиональный язык и т. д.);

4) различия в номинации явлений, указывающие на принципиально иной выбор соответствующих признаков для формирования семантики единиц (например, система счета);

5) концептуально значимое разбиение слов по классам, влияющее на описание соответствующих объектов (морфологические классы, семантические классы, объединение слов по принципу «собственность», «пол», «цвет» и т. д.);

6) грамматические особенности, обусловленные своим набором категорий (вид, время, модальность и т. д.), представленные в каждой языковой системе;

7) стилевые особенности языка, дифференцирующие разные жанры (сферы) общения (формы вежливости, мужской и женский языки, речевой этикет, терминология, подязыки и т. д.);

8) семантические коннотации, заисящие от сложившихся традиций и особенностей жизни общества и фиксирующие в сознании людей соответствующую объективную структуру общественных отношений и особенности индивидуального воспитания (культурно-эстетические ассоциации, индивидуальные образные ассоциации и т. д.).

Решение вопроса о соотношении объективного, субъективного и человеческого факторов кроется не в констатации сходств или различий в отдельных элементах языка. Дело в том, что все особенности семантики лексических и грамматических единиц конкретного языка укладываются в универсальную когнитивную систему человека, причем особенности семантики языковых единиц, сложившиеся в процессе исторического развития какого-либо одного языка, не только не становятся преградой для единого и универсального процесса познания, протекающего в языковой форме, но и участвуют в его создании. Так как структуры коммуникативных единиц языка в основе своей объективно

отображают закономерности связей реальных предметов и явлений, то они создают предпосылку для их использования в так называемом индивидуальном плане, который перерастает затем в достояние всего коллектива по той причине, что все члены этого коллектива владеют первоначально структурой языка.

Совершенно ясно, что к субъективным факторам менее всего надо относить саму материю языка, а именно физические характеристики звуков, а также системные формы языка (от морфологии до синтаксиса). Выражение первичного мира осуществляется через обозначение вещей и явлений — номинацию, в связи имен отображаются связи вещей и явлений в сфере человеческого мышления (референция). Собственно языковые формы в их чисто материальном воплощении есть лишь реализация биологического и психического аппаратов сознания человека. Нейрофизиологическая субстанция мышления относится к биологическим качествам человеческого организма и является индивидуальным свойством человека как особи. Отчужденная форма индивидуального сознания свидетельствует о переходе индивида как особи в разряд субъекта как члена общества. Этот переход одновременно означает образование языка как средства, объединяющего отдельных людей в категорию общества. Таким образом, язык есть одновременно способ материальной, физической фиксации нейрофизиологических процессов мышления индивидов и способ интериоризации мышления в границах социума. В известной работе В. Лоренца, посвященной проблеме соотношения языка и мышления (Lorenz 1977] (в приложении к этой работе приводится весьма обширная библиография по этой проблеме), фундаментально обсуждается вопрос о содержательной стороне языка с гносеологической и коммуникативной точек зрения, затрагиваются весьма важные вопросы для теоретического языкознания, такие, как проблема единичности

значения и понятия, диалектического процесса отражения и его выражение в словесных знаках, проблема функционирования языка в плане достижения адекватности взаимопонимания в процессе коммуникации; вопросы индивидуального и социального характера языка в отражательном аспекте и другие вопросы. Основываясь на принципах марксистской гносеологии и опираясь на данные лингвистики, нейропсихологии, автор приходит к выводу, что «познание, определяемое практической деятельностью человека, не может быть сведено к индивидуальному аспекту. Любое отражение детерминировано общественными условиями, что придает каждому индивидуальному акту отражения общественный характер. Отражение действительности, вырабатываемое в индивидуальном процессе отражения, становится общественно значимым и собственно познанием, когда оно становится индивидуальным через материальный языковой знак» (с. 159—160). В целом автор утверждает, что общественный характер познания является основой языковой коммуникации, в которой люди обмениваются продуктами познавательной деятельности, имеющей объективный характер (с. 394—399).

В преобразовании индивидуального в общественное, субстанционального в функциональное, объективно-физического (биология, живая материя) в человеческое (психическое — языково-мыслительная материя) заключена одновременно диалектичность связи языка индивидуума и языка социума. Эта диалектичность есть также средостение противоречия номинативных и коммуникативных свойств языка. «Коммуникация есть субъективно-объективирующая, внешняя форма протекания языковой деятельности, явление языковой действительности, способ реального бытия языкового мира, сфера выразительно-коммуникативного функционирования» [Атаян 1982, 31].

Приведем еще одно высказывание по этому вопросу: «Коммуникация есть активизируемое языком отношение между отправителем и получателем (адресатом и адресантом), которое определяется интенцией отправителя и которое, таким образом, сохраняется с тем, что действия получателя информации соответствуют заложенному в высказывании отправителя» [Anderegg 1973, 17]. Диалектическая связь указанных выше сторон неразрывна, что дает право говорить о речемышлении с большим основанием, нежели о мышлении и языке отдельно.

Все познавательное содержание мышления откладывается одновременно в формах языка, и речемыслительное единство служит надежной базой жизни и деятельности человека. В этом случае вряд ли оправданно говорить о влиянии языка на мышление, о роли языка в познании и т. д., поскольку речемышление сохраняет свое единство во всех проявлениях мыслительной деятельности человека, независимо от способа обнаружения этой деятельности (так называемое мыслительное проговаривание, внутренняя речь, внешняя речь (Н. И. Жинкин). По отношению к объективному миру речемышление выступает единым, также объективным человеческим фактором. Человечность языка собственно выявляется не в этом противопоставлении (хотя и соотношение человек—мир проходит по линии разграничения этих объектов мира), т. е. в противопоставлении, которое ставит человека наравне со всеми другими предметами материального мира. Это двуединство и осталось бы в сфере материальных объектов, если бы человек не выступил в роли самопознающего субъекта.

Познание, направленное не на мир, а на один из объектов этого мира — на человека, на самого себя — и создает тот специфический фактор, который может быть с полным правом назван субъективным человеческим фактором в языке. Человек как познающий и са-

мопознающий субъект противостоит миру не как пассивный объект, а как деятельный субъект, пытающийся создать в своем сознании мир вещей как свой собственный мир.

Надо иметь в виду то принципиальное различие, которое вкладывается в понятие субъективного фактора как творца языковой структуры и человеческого фактора как предмета языкового содержания. Под субъективным фактором должно бы подразумеваться влияние человека на образование такой структуры языка, такой внутренней его конструкции, которая была бы порождением только человека и была бы независима от закономерностей объективного мира. Такое понимание языка снимало бы, по существу, всю проблему истинности человеческого знания и язык становился бы собственной креативной силой мира, т. е. такой силой, которая сама создавала бы для человека мир или его картину. Такое понимание не согласуется с материалистической трактовкой языка и не согласуется с тысячелетней практической деятельностью человека¹⁵.

Язык есть принадлежность субъекта, как атрибут человека противостоит объективному миру, являясь его составным элементом. Субъект, обладающий наряду с бесчисленными свойствами и таким свойством, как *речевая* деятельность (язык), включается в активное взаимодействие с окружающим миром, порождая всю многосложную сеть этих взаимоотношений.

Отправной точкой теоретической и практической деятельности человека является антропоцентризм. Человек как субъект соотносится прежде всего с окружающим

¹⁵ «Естественный язык, хотя и характеризуется определенной синтаксической системой, которая выявляется посредством различных формализмов, но не представляет собой определенной концептуальной системы, а является средством их построения и символического представления» [Павилёнис 1983, 263].

природным миром, затем с окружающим социальным миром, затем с каждым индивидуумом и, наконец, с самим собой (самопознание). Как бы ни были своеобразны взаимоотношения человека с этими четырьмя сторонами объективного мира, можно тем не менее говорить о том, что наиболее человеческим из этих отношений выступает, безусловно, отношение «человек—человек». Взаимодействие человека и окружающего мира верифицируется исторической практикой. Отношение человека с обществом тоже в определенной степени объективируется. Отношения «человек—человек» подпадают более всего под действие субъективного фактора как по характеру самих взаимодействующих объектов (в данном случае субъектов-индивидуумов), так и по характеру их взаимоотношений, построенных целиком на человеческих началах. Человеческий фактор проявляется наиболее обнаженно в бесчисленных суждениях, оценках, воздействиях и т. д., что создает наивысшие сложности при анализе языковых средств. Может быть, наивысшая ступень проявления человеческого фактора в языке обнаруживается тогда, когда предмет высказываний является сам автор речи, и все оценочные моменты, следовательно, становятся вдвойне авторскими. Субъективный момент в этом случае как бы удваивается. В лингвистическом исследовании способов выражения всей сети взаимоотношений человека с природным и социальным миром необходимо учитывать следующие аспекты: модально-оценочный, прагматический аспект (речевое воздействие) и индивидуально-стилистический.

Язык играет действенную роль как средство выражения познающего субъекта, в качестве которого выступает в этом случае сам человек как часть мира. Другими словами, понятие человеческого фактора занимает свое место в системе отображаемых в познании и языке объектов, но не автономно в системе самой языковой

структуры. Человеческий фактор в языке есть лишь фактор специфики самого субъекта, причем специфики, усложненной не только особыми качествами человека как одновременно материального и духовного существа, но и спецификой самопознания, т. е. познания, направленного как бы на самого себя, на свой внутренний мир. Такое разграничение понятия человеческого фактора — человек как объект познания и язык как атрибут человека — не противоречит единой онтологической природе языка, а следовательно, способствует познанию мира во всех конкретных разновидностях его явлений, служащих предметом практического и теоретического освоения человеком и закрепления результатов этого познания в языковой материи, и определяет специфику этого фактора в функционировании языка. Среди категорий, характеризующих познавательную деятельность человека, необходимо отметить следующие:

- 1) истинность/ложность добытых в результате практической и теоретической деятельности человека познанных фактов;
- 2) пространственное ориентирование познавательных актов относительно субъекта — человека;
- 3) временное ориентирование познавательных актов;
- 4) оценочное ориентирование, т. е. отношение к добру и злу.

Всякое высказывание является продуктом индивидуального познавательного речетворчества, но эта субъектность не характеризует содержания тех или иных утверждений, производимых определенным лицом, со стороны истинности — ложности.

Как общепризнанные истины (например, *Все люди смертны, Земля движется вокруг солнца* и т. д.), так и истины, устанавливаемые по отношению к частным явлениям повседневной жизни (*Иванов болен, Вода холодная* и т. д.) приближают человека к истине, т. е. адекватному отражению действительности.

И в этом отношении могут быть или истинны или ложны. Существенной разницей между высказываниями обоих планов может быть только разница в общественной значимости.

Единство социальной и индивидуальной характеристик содержания высказываний, перманентно производных в том или ином коллективе, снимает, по существу, так называемый субъективный характер языка человека. Это равно относится и к ложным утверждениям, или шире, заблуждениям, как к социальным, так и индивидуальным.

Заблуждение как результат преднамеренной или неосознаваемой ошибочности того или иного утверждения квалифицируется как таковое только в отношении реальных фактов и событий. В принципе референциальная основа заблуждений есть искажение представления (познания) факта, связанное с бесчисленным разнообразием причин. Эти причины, однако, не оправдывают произвол личности в речемыслительной деятельности, а объясняются лишь неполнотой условий, ведущих к установлению истины.

В итоге решающим фактом для познавательной речемыслительной деятельности человека становится лишь один критерий, а именно, критерий адекватности отражения во вторичном, идеальном мире, в так называемой человеческой картине мира, существующего независимо от него объективного мира.

Любое высказывание, как было сказано выше, является социально-индивидуальным, и в этом смысле общественно-личностным, что особенно характерно для различного рода высказываний, относящихся к поведению и действиям самого человека в сфере повседневной жизни, науки и искусства.

«Свойство отражения присуще всем видам духовного освоения действительности. Оно имеет всеобщий характер по отношению к отдельным формам сознания,

таким как наука и искусство. Это означает также, что объективное, являющееся первичным в отражении, имеет характер всеобщности. Момент отражения в его объекте присущ как науке, так и искусству. Из того факта, что объект является всеобщим, вытекает следующее положение: диалектическое единство объективного и субъективного, отражение и его оценки в содержании искусства является одновременно диалектическим единством всеобщего и особенного. Это означает, что всеобщее существует не само по себе, а включается в социальное и проявляется в особенном» [Bedeker 1980, 31].

Пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта и, естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов.

«В сфере предметного сознания каждая ситуация в восприятии и представлении здорового человека выступает в рамках „теперь" и „здесь". Наглядность и полное единичность включает в себя одновременно множество других моментов времени, которые в интегрированном чувственном виде обогащают переживание единичного „теперь". Каждое „здесь" в сознании также включает в себя множественность других определений места и объектов, которые также в интегрированном чувственном виде обогащают переживание единичного „здесь". Поэтому и сохраняется богатство и достоверность единичности каждой воспринимаемой ситуации» [Меграбян 1978, 123—124]; и далее: «Сознание учится располагать свои познавательные сведения по способу, соответствующему объективному миру с помощью контроля обратной афферентации. Ранее упоминалось, что сознание личности в своем онтогенетическом развитии приспособляется автоматизированно располагать

свои пространственные представления предметов друг возле друга соответственно их расположению во внешней среде. Подобно этому, оно таким же способом располагает свои временные представления последовательно одно после другого соответственно последовательности явлений в объективном мире» [Там же, 125—126].

Эта как бы субъективная сторона речевой деятельности на самом деле является одновременно объективной, поскольку она связана с необходимой характеристикой говорящего субъекта как объекта, имеющего свое фиксированное пространственное и временное положение в любой ситуации, в любом возможном мире событий.

Под человеческим фактором в языке часто понимают то человеческое содержание, которое касается, так сказать, внутренней жизни человека, его поведения, его эмоций.

Особенно наглядно человеческая сущность языка проявляется в категории модальности. Классическое и общепризнанное определение модальности обнажает противоречие единства содержания высказывания, производимого человеком с точки зрения самого человека¹⁶. В самом деле, модальность проявляется как выражение отношения человека к высказываемому утверждению о событиях (факт и оценка факта), на первый взгляд образует как бы двойственную природу высказывания — утверждение о чем-то и одновременно оценка этого утверждения. Естественно, что эта двойствен-

¹⁶ Ср.: «Те лингвистические факты, где имеется присутствие говорящего (*Sujet parlant*) в рамках высказывания, мы назовем субъективными» [Kerbrat-Orecchioni 1980, 33]. И далее: «Объективным является высказывание, которое пытается стереть любой след существования индивидуально-го высказывания. Субъективным является высказывание, в котором говорящий заявляет о себе открыто (эксплицитно), явно или двусмысленно (имплицитно), или подразумеваемая неявно, выставляя как источник оценки в данном утверждении» [Там же, 71].

ность в реальной речи не противоречит органической цельности этого высказывания, фиксирование ее есть лишь аналитический прием, вскрывающий «надстроечный» характер модальности мысли по отношению к самому факту.

Модальный план языковых выражений наиболее выпукло представляет человеческий фактор и дает право говорить о человеческом содержании абсолютно всех языковых единиц, поскольку в них неизбежно присутствует и как бы наслаивается оценочный, а следовательно, и индивидуально-человеческий фактор. При этом модальность, будучи объективной, входит в круг взаимодействия объектов — в данном случае «человек—мир», который управляется законами всеобщего характера, включающими как особенности данных взаимоотношений, так и универсальные взаимоотношения объектов в окружающем мире.

Модальность (как и перформативность) должна рассматриваться как дополнительная, последующая оценка факта; именно оценка факта и есть первичное содержание модальных высказываний. Таким образом, модальность также укладывается в линию «человек—мир», «человеческая картина мира—объективный мир».

Сугубо человеческий элемент в языке проявляется также в индивидуально-творческой природе всякого речевого произведения, несмотря на стереотипы и всевозможные клише.

В лингвистической литературе часто противоплагаются личностные высказывания событийным высказываниям (*Сегодня дождливая погода, Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, Я обещаю.. ., Я прошу. . ., Я утверждаю. . . и т. д.*). Разница состоит в том, что в событийных высказываниях снимается момент личностной характеристики истинности события, в перформативах предметом содержания высказываний является как раз сама эта личностная характеристика или отно-

шение личности к событию. Верификация подобных утверждений должна быть четко направлена на проверку не события, а самого факта высказывания, например, *Я обещаю сегодня с тобою пойти в театр* — здесь достаточно установить состоялось или не состоялось высказывание (а не факт: ходил он в театр или не ходил, состоялось ли посещение театра или не состоялось — был такой факт или его не было).

Со стороны построения между утверждениями *Я был сегодня в театре* и *Я обещал быть сегодня в театре* принципиальной разницы нет. Вообще, когда речь идет о содержании высказываний, относящихся не к фактам, лежащим вне человека, а к фактам, заложенным в нем самом (характер, поведение и т. д.), то тут надо иметь прежде всего в виду, что разграничительная линия проходит не по категории истинности или ложности, индивидуальности или со-явления, а лишь по характеру объектов, становящихся референтами высказывания, — но и в данном случае необходимо подчеркнуть, что человек как субъект-референт того или иного высказывания (его поступки, поведение и т. д.) также является объектом-референтом, как и все другие объекты органического и неорганического мира. В гносеологическом аспекте это — разряды одинакового порядка, и воссоздание объективной картины проходит по тем же законам отражения, которые одинаково приложимы как к миру вне человека, так и к самому человеку (как объекту мира). Так как человек как объект познания, а следовательно, как объект самопознания, является вершиной развития самого процесса познания, то безграничная сложность этого объекта порождает безграничные сложности его познания, что и создает иллюзию особого субъективного мира и, так сказать, чисто субъективного начала в языке, используемом человеком для выражения различных свойств, поступков и т. д.

Можно подчеркнуть еще раз, что человеческий фактор в случае, например, модальных высказываний есть сам продукт высказывания, а квалификация этого объекта высказывания (т. е. оценка какого-либо события) может быть равноправна с квалификацией высказывания об объекте, по отношению к человеку.

С таких же позиций необходимо рассматривать структуру и содержание всех высказываний, заключающих в себе моменты пространственного и временного ориентирования, связанные с субъектом высказывания как точкой отсчета.

Действительно, о человеческом факторе в языке можно говорить на том основании, что в языке находит свое выражение вся разумная деятельность человека, но именно поэтому нельзя говорить о языковом факторе вне человека.

Если предположить, что вся мыслительная деятельность человека регламентируется языковой системой, то неизбежно утверждение, что человек живет только в своем языковом мире, за пределы которого он в принципе не может выйти, что равнозначно философскому понятию «лингвистический солипсизм». Созданные языком «шоры» были бы в этом случае непреодолимыми, что давало бы право утверждать, что язык создал человека.

В материалистической философии подобный солипсизм научно опровергнут, исходя из той очевидной предпосылки, что сам человек является частью окружающего мира, поэтому организация его физической и теоретической деятельности строится на объективных закономерностях, включая и закономерности отражения, что не дает основания ставить человека, его сознание и язык вне пределов единого мира и приписывать ему свойство создавать новый мир, принципиально отличный от окружающей его материи. Язык включается в жизнь человека, как сам человек включается в жизнь

биосферы, а в конечном итоге, и в жизнь материи, и поэтому в языке нужно искать этот же, а не иной мир.

Мы уже говорили о том, что язык выражает не только познание человеком окружающего мира, но и самопознание, т. е. познание человека как высшего биологического существа со всеми присущими ему качествами особой психической жизни. Если говорить об особом мире человека, то язык в данном случае выполняет такую же роль в выражении самопознания, как и в выражении познания внечеловеческого мира.

Приобретаемое человеком знание о мире и о себе складывается, с одной стороны, из передачи поколениями результатов научного и житейского овладения миром и из собственного опыта. Конкретный жизненный опыт человека, с другой стороны, создает базу для отображения и языкового выражения свойств, качеств и отношений объектов, присущих именно данному индивидуальному опыту. Собственно из этих условий вырабатываются индивидуальные стили, манеры и т. д. — от просто владеющего языком до художника слова.

Ярким примером индивидуального человеческого подхода к явлениям мира и средствам их языкового выражения является синонимия как абсолютная, так и относительная, особенно в области оценочных категорий. Даже в самом простом случае — ряде синонимических обозначений одной и той же вещи — прослеживается особенность и индивидуальность путей постижения качеств соответствующей вещи, например, синонимии в житейских и научных обозначениях самых обыкновенных предметов: воды, соли, земли и т. д., — путей, которые свойственны именно человеку, а не самой вещи.

К явлениям собственно человеческого фактора следует отнести также все действия человека по кодификации языка.

Своеобразие системы каждого конкретного языка, имманентное развитие которой происходит в рамках

универсальных законов, характеризуется также и теми чертами, которые вырабатываются в соответствующем языковом коллективе при пользовании языком в различных сферах жизни. Различные ограничения при употреблении тех или иных выражений (имеется в виду не стилистика языка в определенных жанровых границах), различного вида табу, зафиксированные в языковом употреблении, «приличные» и «неприличные» выражения, особенности языка в общении мужчин и женщин, детей и взрослых, на службе и вне службы и т. д. должны быть отнесены к истинно человеческому фактору, поскольку они характеризуют язык в его функционировании. Правда, сами человеческие отношения здесь также являются объектом познания и выступают в языковых выражениях как определенная когнитивная система, но эта система целиком относится к самому человеческому фактору и должна быть исследована как система, включающая все уровни языковой структуры (фонологической, лексической, грамматической, стилистической).

Языковая система включает в себя также и такие средства, характеризующие условия жизни и отношений человека в обществе, использование которых нельзя объяснить, скажем, обычной номинацией явлений. Так, фразеологизмы (как устойчивые, так и неустойчивые словосочетания, и прежде всего идиомы) в их ситуативном использовании характеризуют человека как участника коммуникации с таких сторон, как образованность, воспитанность, характер, психические особенности т. д., т. е. это все те человеческие свойства, благодаря которым в языке отображается во всем объеме человеческий фактор.

Микромодели, так сказать, сплошь человечесны. Но они объективны по своему происхождению (отражению). Различный семный состав слов, обозначающих один и тот же предмет в разных языках, различная внутрен-

няя этимология, различные закономерности сочетаемости слов, различная степень свободы в создании тех или иных языковых образцов (метафора, метонимия и т. д.) обусловлены отношениями между языковыми единицами и потенциальными их комбинациями, которые допускает тот или иной язык.

Семантические сетки словосочетаний разных языков наглядно демонстрируют различия. Вряд ли возможна в русском языке комбинация подобная *hot dogs 'сосиски'* по той причине, что семный объем английских слов и соответствующих слов в русском языке не сопоставимы. Это известное для языка явление достаточно убедительно доказано толковыми словарями и контрастивной грамматикой. Русское слово *летучка* (например, в значении 'экстренная техническая помощь') вряд ли сопоставимо с каким-либо подобным по смыслу выражением в любом языке, ибо объем значения исходного русского слова *летать* настолько своеобразен, что оно не может иметь эквивалентной семы, скажем, в немецком, а следовательно, нельзя сопоставить эту русскую модель с нем. *Eilhilfe*.

К факторам, которые не определяются познавательной сущностью языка, а являются привилегией человека в использовании языка, относится также изобретение новых слов — процесс, который целиком определяется сознательной деятельностью человека; использование в речи диалектизмов, иностранных слов и других единиц, не входящих собственно в систему вербальной коммуникации как самодостаточной базы родного языка; объем лексикона, который весьма колеблется от индивидуума к индивидууму и также относится к характеристике человека, но не языка, определенная человеческая свобода в творческом использовании языка при выборе единиц из синонимических рядов как в области лексики, так и в области грамматики (выбор слов-синонимов, использование функционально-синони-

мического порядка слов, оборота или предложения и т. д.); стратическое и таксическое построение коммуникации (как диалога, так и монолога) с соответствующей сегментацией и делимитацией текста; все виды языковой аллитерации, и прежде всего в языке поэзии, где само материальное звучание языка используется человеком в функциях, непосредственно не затрагивающих его гносеологической природы.

К человеческим факторам относится большой массив паралингвистических средств (жесты, мимика, тон к т. д.), сопровождающих употребление языковых структур. Паралингвистические средства могут относиться как к общенациональной системе, так и к индивидуальной.

При рассмотрении вопроса о влиянии собственно человеческого фактора в создании и использовании языка и фактора, не зависящего от воли и сознания человека, необходимо различать четко два аспекта:

1) язык как цельная система и творческое индивидуальное использование этой системы в конкретных ситуациях;

2) общепознавательная гносеологическая природа языка как выражение в конечном итоге объективных закономерностей мира и индивидуально-познавательный фактор, детерминируемый социальным и индивидуальным качеством коммуникантов.

Индивидуальный и конкретный жизненный опыт — вот первая предпосылка для формирования так называемых микромоделей языка, бесчисленного количества высказываний, отражающих конкретный опыт и фиксирующих какое-либо из бесчисленных свойств того или иного объекта. Это творческое начало является также предпосылкой изменений в овладении миром, ибо каждая фиксация, каждое «видение», каждый конкретный отбор свойств и отношений объекта есть одновременно обогащение коллектива этими микрооткрытиями. Осо-

бенно здесь необходимо подчеркнуть, так сказать, художественное видение мира, выраженное в словесном искусстве. В разнообразии человеческого художественного восприятия явлений и событий и заключена познавательная и эстетическая ценность таких произведений.

К человеческим факторам необходимо отнести и обоюдное воздействие коммуникантов, вступающих в то или иное вербальное общение. Любой обмен информацией предполагает не только передачу сведений и знаний, но и получение соответствующего результата этого общения в виде определенных действий и реакций. Диапазон этих реакций слишком широк, чтобы его можно было назвать или кратко охарактеризовать. В него войдут, например, такие воздействия, как понимание предмета, согласие и несогласие, вызов определенной психической реакции (удивление, сожаление, гнев — радость и т. д.), свершение или планирование действий. Конечно, во всех этих случаях воздействие зависит от выбора языковых средств, но определяющим все равно является семантическая сторона языка, поскольку и стиль и жанр общения в конкретных условиях (спокойная или раздраженная беседа, ссора и т. д.) в конечном итоге связаны со значением тех или иных языковых элементов (нейтральный, экспрессивный, жаргонный и т. д.).

Любая речевая деятельность имеет целью воздействие в условиях общения на коммуникантов и на достижение определенного результата, эффекта, успеха, мотивированного как практической целесообразностью, так и интенцией коммуникантов. Эффект такого воздействия, безусловно, зависит от выбора наиболее подходящих средств в конкретной ситуации и оптимального языкового решения конкретной коммуникативной задачи [ср. Степанов 1981, 325].

Прагматический фактор пронизывает всю речевую деятельность человека и просматривается как в элементарных высказываниях, имеющих чисто утилитарную цель (приказание, просьба), так и в сфере широкой социальной жизни, где тесно переплетаются узкопрактические цели и потребности повседневной жизни, и крупномасштабные социальные акции. «Воздействие через язык осуществляется не простым путем оценочных высказываний типа: „это — хорошо“, „это — плохо“, а различными языковыми обозначениями, которые содержат социально обусловленный оценочный компонент. Применение подобных обозначений позволяет выразить оценки имплицитно, незаметно для коммуникантов и вызвать у них соответствующее отношение и поведение. При этом имеется в виду не то воздействие, которое язык оказывает и распространяет сам по себе, а то, что оценки и взгляды определенных социальных групп закрепляются в разных точках зрения на языковое употребление и в дальнейшем переносятся языком на специальное воздействие соответствующих социальных групп» [Матвеева 1984, 5—6; см. также: Киселева 1978, Дридзе 1980].

В современном мире в условиях возрастающей роли средств массовой коммуникации язык не просто обслуживает социальную жизнь людей, но становится мощным орудием идеологической борьбы [Стриженко 1980].

Одной из разновидностей прагматического воздействия языкового общения, а следовательно, и качеств самого языка является его использование в тех случаях, когда смысл языковых выражений должен создать иллюзию реального мира и тем самым возбудить в человеке представление в соответствии с поставленной целью коммуникации. Сюда относятся все случаи умышленного обмана или заданного обратного смысла

языковых выражений (что особенно характерно для политического языка).

К сфере прагматического воздействия относится использование языка в психотерапии, в процессе которой слово используется не просто в его прямом и переносном значении, но и в целях внушения пациенту реальности той картины, которая создается врачом для исцеления больного. В этом случае особенно наглядно проявляется некоторая относительная семантическая свобода языка, которая используется для создания целбно воздействующей идеальной картины (успокоение, снятие страхов и т. д.).

Понятие «человеческого фактора» в языке, таким образом, может быть квалифицировано, прежде всего, как понятие атрибута деятельности человека, рассматриваемого в аспекте как биологическом, так и социальном. С гносеологической точки зрения человеческий фактор детерминируется общими объективными закономерностями.

О вербальности мышления

Выработавшиеся в процессе длительного исторического развития формы отражения действительности человека являются в момент становления разумного существа качественно отличными от форм отражения в животном мире (начиная от пресмыкающихся до приматов), образуют ступень опосредованного, по сравнению с рефлекторным способом, познания мира и являются в связи с этим формой сознания, присущей только человеку. Если формы чувственного познания, сохранившиеся и в человеке, являются, по выражению И. П. Павлова, первой сигнальной системой, основанной в принципе на механизме рефлекса — простого и сложного, то человеческое познание в форме мышления представляет собою качественно иное образование — вторую сигнальную систему, основанную на преобразовании чувственных данных в сложные нейрофизиологические и психологические связи. Именно этот уровень развития сознания знаменует собою превращение непосредственной формы отражения в новую опосредованную форму — мышление, для которого характерны операции над абстрактными сущностями в виде свойственных только человеку понятий, суждений, умозаключений, рассуждений и т. д.

Становление языка есть не что иное, как материальное выражение ступени развития животного мира, т. е. перехода от животного к человеку, и образование той границы, за которой следует область мышления как высшая ступень сознания вообще. Познание в процессе трудовой деятельности свойств и отношений предметов, с которыми имел дело человек, нашло свое выражение в формах мыслительной деятельности, прежде всего в формах понятий и суждений, которые в абстрагированном виде закрепляли результаты этой познавательной, практической деятельности.

Сам характер абстрагирования от конкретных предметов и явлений требовал, естественно, особого материального фиксированного существования этих абстрактных категорий, в результате чего и выработался тот особый, свойственный только человеку аппарат, который мы называем языком. В этом смысле язык есть не что иное, как действительное практическое сознание, ибо он есть закрепление тех мыслительных феноменов, которые получили свое вторичное существование в виде словесных знаков. Идеальный характер мышления в этом плане остается по отношению к материальному миру лишь вторичным образованием, но идеальность мышления не снимает его материального механизма, основанного, с одной стороны, на нейрофизиологических операциях, а с другой — на материализации в виде звуковых сигналов.

Язык и представляет собою поэтому материально-идеальное образование, поскольку он в виде звуковой материи овеществляет понятийную систему познания, которая в свою очередь является лишь идеальной формой объективного мира. Диалектический характер языкового знака состоит в то же время в том, что он благодаря абстрагированному значению своих единиц и категорий (лексики, грамматики) выражает ту объективно-противоречивую сущность предметов и явлений, которая им свойственна по самой природе, а именно — противоречие единичного и общего. Это фундаментальное противоречие бытия находит свое выражение через адекватное познание только в человеческом языке.

Сущность словесного знака заключается в том, чтобы обозначить то общее, что лежит в основе соответствующих классов и рядов, предметов и явлений действительности.

Если на уровне рефлекторной деятельности познание предмета ограничивается, грубо говоря, его односторонним восприятием и соответствующей реакцией на него при непосредственном соприкосновении с ним (горячо, холодно, опасно и т.д.), и несмотря на то что эти реакции затем могут в результате отработки в памяти переходить в усложненные

формы представлений, тем не менее границы настоящего обобщения отмечаются лишь той его ступенью, где само обобщение превращается в отдельную сущность, фиксируемую не каждый данный раз, т. е. только в определенный момент (первая сигнальная система), а продолжающую свое существование в виде своеобразных заместителей реальных факторов, т. е. идеальных форм.

Любое наименование вещи или свойства с помощью языкового знака, начиная с элементарных слов типа «камень», «дерево», «зверь», «пища», «жилище» и т.д., есть по своей природе не одноразовое отражение единственного и конкретного предмета, а есть обозначение какого-либо свойства, присущего целому ряду предметов и явлений; другими словами, абстрактного свойства уже как идеальной сущности, выработанной человеческим сознанием в результате практики и закреплённой в качестве этой сущности в особом знаке.

Только язык способен выполнить эту функцию номинации и только звуковой язык в силу таких его характеристик, которые физиологически целесообразны как непосредственно связанные с работой мозга (и прежде всего его высших отделов — корковой сферы) и в силу его чисто материальных свойств — звуков, производимых и воспринимаемых любым членом определенного трудового коллектива.

Сущность языка составляет не только его функция материального закрепления абстрагирующей познавательной деятельности человека, репрезентации его мыслительных форм, но и его коммуникативная природа, поскольку любая языковая операция есть операция intersubъективная, основанная на функционировании словесных знаков одновременно как продукта субъекта, так и продукта коллектива. Язык в этом плане представляет собою как бы форму отчуждения субъективного мышления и превращения его в коллективное, другими словами, в общественное сознание.

Никакие операции на уровне первой сигнальной системы, производимые как с помощью звуков, так и с помощью раз-

личных телодвижений, не способны передавать обобщенные свойства материальных явлений, поскольку они по своему существу не в состоянии представлять эти явления как материально-идеальные отчужденные сущности.

Любой стадный сигнал, например, об опасности, нельзя рассматривать в качестве обобщенного сигнала, так как он, с одной стороны, предназначен только для немедленного реагирования, а с другой стороны, он вообще не выражает понятия опасности как таковой, а указывает лишь на опасность данного единичного явления (например, угроза хищника, огня и т.д.).

Сигнал животного языка по своей функции всегда может быть только адекватным той ситуации, на которую ожидается отработанное ответное действие в виде того или иного поведения животного. Если на этот сигнал не последует однозначная реакция (например, на сигнал опасности), то в итоге прекратит свое существование то или иное животное сообщество.

Только в словесном знаке может быть отражено состояние опасности как таковое, ибо оно будет зафиксировано в знаке «опасность» (в данном случае безразличен конкретный язык), и этот знак в человеческом обществе функционирует уже не как указание только на единственную и разовую опасность в какой-либо ситуации, а представляет собою обобщение всех видов событий, могущих представлять угрозу для жизни индивидуума или какого-либо коллектива. В этом и есть принципиальное отличие человеческого языка от всех видов сигналов животного мира, какими бы сложными они не были.

Автономия этих сигналов от конкретных физических параметров сенсорных раздражителей и переход к понятийному кодированию лежит, по мысли Бехтеревой, в основе той высшей формы активности функциональных систем

мозга, которая характеризует мыслительную (интегративную) деятельность \

При определении сущности языка всегда необходимо подчеркнуть именно этот качественный скачок от животного общения к общению в человеческом коллективе с помощью языка, ибо разница между этими системами принципиальна и связана она с особым характером отражения мира в сознании человека.

Категория сознания более широкая, чем категория мышления, и когда рассматривается вопрос о выражении сознания в поведении животного или человека помимо языковых знаков, то имеется в виду прежде всего такая репрезентация сознания, которая не связана с выражением абстрактных сущностей объективного мира.

Когда говорят о выражении в языке так называемой чувственной сферы человека помимо мышления, то обычно упускают из виду то важнейшее обстоятельство, что в своих организованных по соответствующим законам единицах язык одинаково использует свой инвентарь как для выражения чувственной, эмоциональной области, так и мыслительной. Более того, в языковых единицах сама область чувств выражается только через их понятийное осознание человеком. Другими словами, говорить о выражении языком чувств, эмоций как особой, отдельной от речемыслительной, функции языка, значит или подменять одно положение другим или признавать две разноприродные структуры в языке — одну, предназначенную для выражения понятийного аппарата, и вторую — для выражения эмоционального мира.

Эта альтернатива в некоторой степени может быть снята указанием на то, что зачастую под так называемой эмоциональной, экспрессивной функцией языка понимают понятий-

¹ *Бехтерева Н. П.* Методология и синтез системно-структурного подхода в нейрофизиологии // Методологические вопросы теоретической медицины. Л., 1975. С. 19.

ное выражение психологических состояний человека (гнев, радость, печаль и т.д.), что по существу равноценно содержанию любых высказываний, касающихся не только субъективного (человеческого) мира, но в такой же степени и объективных, несубъективных факторов, или утверждением, что язык включает в себя неязыковые явления, так называемые паралингвистические, не образующие в своей системе собственно языковых категорий. Однако легко видеть, что паралингвистические средства выступают в этом случае как некоторые естественные биологические показатели состояния человека, не проходящие через его познавательный аппарат и не выражаемые поэтому в речемыслительных единицах.

Все явления, не относящиеся к вербальному мышлению, но имеющие так или иначе звуковой характер, не могут быть причислены к языку как коммуникативному средству, а должны рассматриваться как простые звукообразования, не являющиеся вербально-семантическими, а следовательно и логическими, «конкрециями», они представляют собою звуковые сигналы, так сказать, биологического характера. Так, например, различные выкрики, производимые человеком в тех или иных ситуациях (испуг, травма и т. д.), не выступают как какая-либо звуковая система, так же как и так называемые псевдомеждометия типа «а!», «о!», «ох!» и не входят, следовательно, в вербально-понятийную систему языка.

Мыслительная ступень отражения есть прежде всего понятийная форма, которая по своей природе есть уже переработанная форма чувственного познания, т. е. такая ступень познания, в которой все виды чувственной деятельности находятся уже в снятом, преобразованном виде, другими словами, в виде понятий, существующих в качестве общественно-зафиксированного феномена в материи звукового языка. Само по себе чувственное познание ограничено только субъектом, а поведение, осуществляемое человеком на уровне чувственных восприятий (зрение, слух, обоняние и т. д.), в изолирован-

ном состоянии может быть свойственно человеку только как биологическому существу, но не как познающему субъекту.

Многочисленные данные о языке животных, полученные как в результате наблюдений, так и в результате различных экспериментов, особенно над высшими обезьянами, свидетельствуют о том, что способности обучения в различных условиях (начиная от обучения в самом раннем возрасте) могут быть весьма значительны в усвоении даже слов человеческого языка, или их восприятия, или их замещения соответствующей кинесикой. Однако и эти удивительные результаты могут быть интерпретированы только как использование слов и предметов на уровне представления, другими словами, на уровне сложного рефлекса, но не человеческого языка с его понятийной сущностью. Ср.: «Слова, которым обучили животных, они употребляют с поразительной сообразительностью. Пестрый кусок шелка, например, может фигурировать как носовой платок или как „ку-ку" (при игре в прятки), в зависимости от обстоятельств». Обезьяна «может пользоваться словом „питье" применительно к молоку, воде, бульону, кофе, апельсиновому соку и даже каплям дождя на оконном стекле.

Наблюдается и создание „предложений". Так, без всяких подсказок утка вдруг стала называться „водяная птица", горчица — „пища, от которой больно"; жест, означающий слово „грязный", первоначально употребляется только в отношении загрязненных предметов, но со временем одна из обезьян стала прибегать к нему, имея в виду экспериментаторов, когда последние не шли навстречу всем ее желаниям»².

В этом смысле сигналы животного языка как бы адекватны каждый раз конкретной ситуации. Что же касается человеческого языка, то благодаря его свойству — в абстрагирующем, отчужденном виде представлять реальные пред-

² Уотсон П. Обезьяна учится рисовать // За рубежом. 1976. 37 (846). С. 20.

меты и их отношения — создается возможность не только адекватной, но и искаженной интерпретации того или иного явления.

Так как словесный знак действительно не имеет ничего общего с именуемым предметом в широком смысле слова по своей материальной звуковой характеристике и не является, следовательно, ни в какой мере мотивированным по своей акустической связи с предметами, тем не менее он выступает носителем таких признаков, благодаря которым он является означающим для предметов и явлений, т. е., другими словами, оказывается однозначно связанным с соответствующим денотатом, то необходимо предположить, что действительная сущность языкового знака должна усматриваться не в его акустической оболочке, а в его логико-гносеологическом содержании. Словесный знак представляет собою вторичную сущность и по сравнению с объективно-материальным источником является в этом аспекте способом существования понятийно-идеальных форм мышления. Идеальность мышления в гносеологическом плане означает лишь его вторичность, но отнюдь не нематериальность и несуществование. Именно его существование и есть не что иное, как вербальное существование, и языковой знак предстает поэтому как отчужденная форма, выработанная познанием человека для тех материальных предметов и явлений, которые существуют вне человека, но «присвоены» его мышлением.

Языковой знак может рассматриваться как способ теоретического (понятийного) освоения действительного мира. В слове «дом» в его физической, акустической оболочке, естественно, не содержится никаких указаний на реальное сооружение, входящее в класс домов. Слово «дом» не связано также никаким прямым отношением (непосредственно) с тем или иным конкретным сооружением типа дом. Но этот словесный знак удерживает в себе все существенные признаки всех конкретных сооружений, предназначенных для проживания и размещения человека. В речемыслительном

процессе словесный знак «дом» функционирует поэтому как представитель, как имя, вобравшее в себя эти существенные признаки дома, другими словами, он функционирует как познавательный репрезентант класса предметов или как отчужденная форма реальных предметов — всех конкретных домов. В сфере сознания человека словесный знак по отношению к объективному источнику не является какой-либо вторичной сущностью, а наоборот, как способ существования мышления он является идеальной отчужденной формой материальных объектов. Его двусторонность начинается, так сказать, только на той ступени, когда он рассматривается как бы изнутри себя, т. е. как материальное явление, как продукт физической деятельности человека. Но так как сам язык, и следовательно языковой знак, не есть независимое от объективного мира явление, то по отношению к нему, т. е. в аспекте отношений человека и мира, язык как вторичное образование может рассматриваться уже как идеальная сущность, неразрывно связанная с познавательной, мыслительной деятельностью. Это свойство языка никак не может быть объяснено, если рассматривать язык лишь на уровне непосредственного, чувственного сигнала, не обладающего способностью представлять предметы и явления в абстрагированном виде.

О связи языка и мышления можно говорить только в плане высшей формы познания — понятийного, абстрактного, т. е. высшей формы сознания как свойства живой материи отражать объективный мир. Вот почему язык и выступает не в роли простой сигнальной системы и не может рассматриваться вообще в ряду даже естественных коммуникативных систем. Он должен рассматриваться как уникальное явление, свойственное только человеку и предназначенное только для выражения и закрепления результатов абстрагирующей познавательной деятельности человека.

Как лексическая система, так и грамматическая структура языка во всех своих звеньях дают прямое доказательство того, что языковые единицы организуются и продуцируются только на уровне понятийного мышления и воспринимаются в коммуникации не чувственной сферой человека, а его мыслительной сферой. Это свойство языковой коммуникации реализуется только в силу того, что вербальное общение предполагает сознательную, мыслительную операцию как условие речевой организации и мыслительное, сознательное восприятие речи, т. е. понимание речевых единиц.

О том, что процессы понятийного мышления осуществляются на словесном уровне по законам логико-семантических связей, а не по простым рефлекторным дугам, свидетельствуют психологические данные, полученные главным образом экспериментальным путем психологами как по восприятию речи, так и по функционированию слов. Работа, связанная с характером восприятия звукового языка, выполненная под руководством Л. А. Чистовича³, подтверждает исключительно своеобразный, свойственный только человеку, способ восприятия звука не по чисто акустическим физическим данным, а в соответствии с довольно сложным механизмом распознавания фонемы как единицы контроля на основе акустико-артикуляционных дифференциальных элементов. Работа по исследованию понятийного мышления на основе семантических связей слов, осуществленная в лаборатории А. Р. Лурия, «подтверждает факты, установленные раньше, а именно, что доминирующей является семантическая система, в то время как фонетическое сходство,

³ Речь. Артикуляция и восприятие / Под ред. В. А. Кожевникова и Л. А. Чистович. М.; Л., 1965.

относящееся к внешнему звуковому аспекту слова, не включается в доминирующую систему»⁴.

Образование и понимание языковых единиц сопряжено с такой формой отражения действительности, которая способна различать правильное и неправильное представление об объектах действительности, а в итоге ложное или истинное познание тех или иных объектов или их связей, овладеваемых человеком первоначально в практическом, а затем и в теоретическом познании. Если восприятие сигнала, например в животном мире, основано в конечном итоге на правильной или неправильной рефлекторной реакции на соответствующий сигнал (например, сигнал опасности — соответствующее действие), то восприятие языковых единиц в человеческом обществе построено не на разовой реакции, а на понимании, на усвоении смысла соответствующего высказывания, в котором содержится мысль о чем-то (например, указание на опасность чего-либо). Ответная реакция у человека на языковое сообщение также не есть прямой рефлекс, а есть опосредованное следствие правильного понимания абстрактно выраженного понятийного содержания (например, понятия опасности). Все что связано с речевым общением в человеческом коллективе — все это непременно связано с его понятийным аппаратом и не может быть непосредственно перенесено на выражение каких-либо других, кроме понятийных, сущностей, форм отражения действительности. Даже такие сугубо эмоциональные факторы, как горе, радость, печаль, голод и т. д. в речевом общении обязательно проходят через фильтр мышления и отлагаются в форме таких словесных знаков, которые отражают подобные состояния субъекта в абстрактном понятийном виде. Такая «панразумность» языка не есть

⁴Лурия А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем. // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 33.

его обеднение, а наоборот, есть признание его величайшей мощи как чисто человеческого средства познания и общения.

Речемыслительное образование представляет собой особый механизм высшей ступени корковой деятельности человека. Как утверждает А. Р. Лурия, «кодирование речевого сообщения проходит сложный путь от мысли к развернутому высказыванию. Он начинается с возникновения мотива рождающего потребность что-то передать другому человеку; эта потребность воплощается в замысле, или мысли, которая представляет собой лишь самую общую схему сообщения. С помощью механизма внутренней речи мысль и ее семантическое представление перекодируются в глубинно-синтаксическую структуру будущего высказывания, которая далее превращается в поверхностно-синтаксическую структуру и, наконец, в линейно упорядоченное развернутое высказывание»⁵.

Только для человеческого звукового языка сохраняется важнейшее условие адекватного познания мира, поскольку только для этого языка существует определенная структура, в которой можно усматривать свойства, отражающие в снятом идеальном виде структуру связей объективных предметов и явлений. Поэтому «подход через абстрактную структуру языка, взятую вне ее использования для познания и общения, вне деятельности познания и общения, не может привести нас к желаемым результатам. Следовательно, мы должны найти такую основную единицу, которая была бы „единицей“ в смысле, например, Л. С. Выготского, а не „элементом“, т. е. сохранила бы в себе содержательно-функциональные характеристики целого — субстанции языка — и в то же время допускала дальнейший анализ в плане собственно лингвистическом. Такой единицей является только *высказывание*,

⁵ Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 51.

взятое не только в его формальном, но и прежде всего функциональном аспекте»⁶.

Ни один нечеловеческий язык не обладает структурой, он имеет лишь определенный набор, к тому же весьма ограниченный по существу, изолированных сигналов, каждый из которых имеет свою особую рефлекторную ценность и не вступает ни в какие строго определенные отношения с другими сигналами (это относится и к звуковым сигналам даже приматов). Все так называемые языки, выполняющие свою целесообразную функцию в животном мире (например, язык пчел, птиц, дельфинов и т.д.), могут быть в принципе описаны в реестровом порядке как сумма сигналов, причем каждый из них жестко связан с той или иной реакцией в сообществе животных.

Как один сигнал таких языков, так и их сумма не являются продуктом мыслительной абстракции, и в связи с этим они не могут образовывать идеальную структуру, которая бы в своих отношениях соответствовала исходным реальным отношениям. Так, любой стадный сигнал «чрезвычайная опасность» — рев, гортанный шум, взаимосвязанные телодвижения — не сочетает в себе таких абстрактных понятий, как опасность и ее степень в их расчлененном и одновременно синтезированном виде, а представляет собой обычный сигнал конкретно-ситуационного воздействия. Структура же человеческого языка, проявляющаяся в различных связях слов (атрибутивная, предикативная) в силу своего абстрактного происхождения выработала такие правила, которые дают возможность не только обозначать что-либо, но и связывать отдельные обозначения в некоторую организованную систему, результатом которой является структурно оформленная единица общения.

⁶ *Леонтьев А. А.* Язык как социальное явление (к определению объекта языкознания) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 306.

Многочисленные лингвистические данные относительно функционирования элементов, в частности слов в высказываниях, убедительно говорят о том, что все мыслительные операции, получающие языковое выражение, проходят на понятийном уровне, что свидетельствует об их вербальном характере.

Вербальная коммуникация представляет собой сложное структурированное образование, в котором элемент коммуникации, как, например, высказывание, формируется не как трафаретная репродукция готовых элементов, а является каждый данный раз продуктом творческого гносеологического процесса⁷.

Можно утверждать, что человеческий язык образует высшую ступень общения на том основании, что он не только способен номинировать явления, другими словами, обозначать или сигнализировать каждый данный раз о чем-то, но и сообщать о том или ином событии в форме самостоятельного высказывания, имеющего силу действия не однократную, а всеобщую. Образование абстрактных сущностей — понятий в их языковой плоти — приводит к созданию своеобразного мира как «превращенной формы» реального мира. Эти идеальные отношения идеальных сущностей (понятий) могут соотноситься с материальным источником не только в адекватной, но и искаженной форме. Например, как деньги в качестве превращенной формы материальных отношений людей могут создавать иллюзию, например управления жизнью коллектива, так аналогично и идеальные, мыслительные и языковые сущности могут создавать иллюзию некоторого самостоятельного мира, построенного

⁷ Ср. также утверждение В. Г. Гака: «...повсюду, где речь идет о семантических связях слов, об изменении значения слов или замене названий, выступают одни и те же закономерности преобразования, определяемые логическими отношениями понятий» (*Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971, С. 89*).

не из объективных данных, а из всевозможных субъективных импульсов человека, пользующегося тем или иным языком. Подобное понимание характера языка, имеющего по существу некоторое основание действительно в самом языке как выразителе отчужденного, идеального мира, дает повод говорить о специальном языковом сознании, о промежуточном мире, о так называемой лингвистической относительности (концепция неогумбольдтианства).

Ошибочно истолковывая принцип адекватного отображения мира в сознании человека, некоторые лингвисты приписывают языку так называемую субъективную позицию. Весьма показательным в этом плане является утверждение Тасс-Тинемана: «Если существует ясная дифференциация позиции человека по отношению к реальным вещам, то можно сказать, что для примитивных языков характерно восприятие реальности не как бы с научной позиции, а скорее всего как восприятие мира в его простом отношении к человеку. Это обстоятельство неизбежно предполагает субъективную и индивидуальную позицию. Она связана с эмоциями. Эта позиция образует целую картину мира, выраженную в словах и выражениях в их персональных субъективных вариантах. Такой язык выражает не то, что есть вещи, а то, что о них думает человек. В языке вещи обозначаются не в соответствии с их физическими качествами, а в соответствии с их психологическим восприятием»⁸.

Вряд ли есть основания говорить о каком-то особом языковом восприятии мира или об особом языковом сознании, если исходить из положения о том, что сам язык не образует «особого царства», а есть лишь способ осуществления единой речемыслительной познавательной деятельности человека.

Животный язык представляет собою некоторого рода застывшую «систему», в которой каждый сигнал имеет строго

⁸ *Thass-Thienemann T.* The Interpretation of Language. Understanding the symbolic Meaning of language. Vol. 1. N. Y., 1973. R 57.

определенное «значение», и в пределах любого животного сообщества эти сигналы не могут претерпевать какие-либо изменения в связи с тем, что в противном случае будет нарушена выработанная в истории реакция на данный сигнал. Только в человеческом языке возможны не только чистые репродукции отдельных словесных знаков и речевых образований, но и самостоятельные, так сказать оригинальные, речевые образования, которые всегда воспринимаются в человеческом коллективе без каких-либо помех и ущерба для деятельности этого коллектива. Более того, креативный характер языка есть предпосылка постоянного прогресса человеческих знаний, есть условие духовного прогресса, свойственного только человеческому обществу и только благодаря обладанию языком. Ни в одном животном сообществе не отмечено какое-либо развитие или прогресс в образовании сигнальной системы, что еще раз подтверждает принципиальное отличие рефлекторного, сигнального языка от абстрактного человеческого языка.

В современном языкознании особо подчеркивается творческий характер человеческого языка⁹.

Одним из существенных пороков структурной лингвистики в действительности и было забвение основного постулата языкознания, рассматривающего язык как продукт, вобравший в себя всю динамику мышления не только индивидуума, но и весь запас знаний, выработанный человечеством в про-

⁹ *Irnhasly B.* Der Begriff der sprachlichen Kreativität in der neueren Linguistik. Niemeyer. Linguistische Arbeiten. Tbingen: Max Niemeyer-Verlag, 1974, S. 95.

Так, по мнению автора, понятие креативности у Хомского толкуется как универсальное человеческое качество. Автор не согласен с тем, что Хомский отождествляет генеративную грамматику и креативную процедуру человеческого языка. Автор считает ложным утверждение Хомского о том, что языковая компетенция равна грамматической системе. Креативность, по мнению автора, есть противоположность бихевиористскому поведению. Креативность означает отрицание индивидуальной базы в структурной лингвистике.

цессе освоения материального мира. Эта творческая способность языка и есть то его свойство, которое определяется понятийным, абстрактным мышлением человека, оперирующего идеальными сущностями, сформировавшимися как результат отражательной способности сознания не только на основе его чисто биологических качеств (уровень чувственного познания), но прежде всего на основе абстрагирующей деятельности, связанной с понятийным мышлением. Язык и есть поэтому действительное сознание, так как он обладает двумя диалектически противоречивыми свойствами: с одной стороны, он манифестирует в вербальных знаках мышление как индивидуально-общественное достояние человека, а с другой — имеет сам идеальную природу, будучи субъектно-человеческой формой отображения предметов и явлений материального мира. Вербальность мышления, с одной стороны, и идеальность языка — с другой, и образуют базу единой речемыслительной деятельности человека.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.
- Арутюнова Н. Д.* Логика и лингвистика (проблемы референции) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.
- Атаян Э. Р.* Категориально-методологический анализ соотношения языка и внеязыковой действительности. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ереван, 1982.
- Бор И.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
- Брунер Дж.* Психология познания: За пределами непосредственной информации / Пер. с англ. М., 1977.
- Брутян Г. А.* Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.
- Брутян Г. А.* Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1979.
- Будагов Р. А.* Филология в современной борьбе идей // Филол. науки, 1984, № 3.
- Василевич А. П.* К методике исследований гипотезы Сепира—Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч., М., 1982. Т. 2.
- Гачев Г. Д.* О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки, 1967. № 1.
- Дайнеко Н. И.* Объективное и субъективное в процессе отражения. Киев; Одесса, 1978.
- Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология. М., 1980.
- Жоль К. К.* Язык, слово, метафора: Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984.

- Ибраев Л. И.* Надзнаковость языка // ВЯ- 1980. № 1.
- Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Комлев Н. Г.* Слово, денотация и картина мира // Вопр. философии. 1981. № 11.
- Крикке С.* Семантический анализ модальной логики // *Р. Фейс.* Модальная логика. М., 1974.
- Кузьмин В. Ф.* Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976.
- Латышев Л. К.* Общественная детерминированность перевода и переводческая эквивалентность // Текст как инструмент общения. М., 1983.
- Леонтьев А. Н.* Вступительная статья к книге «Восприятие и действие». М., 1976.
- Марковина И. Ю.* Перевод драматургических текстов и проблема национально-культурной специфики // Общение, текст, высказывание. М., 1981.
- Матвеева Г. Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д., 1984.
- Меграбян А. А.* Личность и сознание: (В норме и патологии). М., 1978.
- Мечковская Н. Б.* Язык и общество // Общее языкознание / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983.
- Михайлов О. Т.* Загадка человеческого «я». М., 1976.
- Мулд Н.* Анализ и смысл: (Очерк семантических предпосылок логики и эпистемологии). М., 1979.
- Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Новиков А., Чистякова Г.* Содержание текста и его основные единицы // Фонетика и психология речи. Иваново, 1981. Вып. 2.
- Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982. 2-е изд. М.: УРСС, 2004.
- Павилёнис Р. И.* Проблема смысла: (Современный логико-философский анализ языка). М., 1983.
- Падучева Е. В.* Денотативный статус именной группы и ее отражение в семантическом представлении предложения // НТИ. Сер. 2. 1979. № 9.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- РЖ — Text, Kontext, Interpretation: Einige Aspekte der texttheoretischen Forschung / Hrsg. von Dorfmußler-Karpusa K., Petöfi J. S. Hamburg, 1981, IX (Papiere zur Textlinguistik. Bd 35) // Общественные науки за рубежом. Сер. 6. Языкознание. 1983. № 3.

- Серебрянников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Серебрянников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В.* «Культурный знак» Л. С. Выготского и гипотеза Сепира—Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.
- Степанов Ю. С.* В поисках прагматики: (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1981. Т. 40.
- Стриженов А. А.* Роль языка в системе средств пропаганды: (На материале буржуазной прессы). Томск, 1980.
- Томахин Г. Д.* Америка через американизмы. М., 1982.
- Филатов В. П.* К типологии ситуаций понимания // Вопр. философии. 1983. № 10.
- Хинтиikka Я.* Виды модальностей // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
- Храпченко М. Б.* Язык художественной литературы // Новый мир. 1983. № 9.
- Целищев В. В.* Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.
- Целищев В. В., Петров В. В.* Философские проблемы логики: (Семантические аспекты). М., 1984.
- Шероэия А.* Психика, сознание, бессознательное: К обобщенной теории психологии. Тбилиси, 1979.

- Anderegg J.* Fiktion und Kommunikation. Ein Beitrag zur Theorie der Prosa, Vandenhoeck Reprecht in Göttingen, 1973.
- Bedeker H.* Abbildung und Wertung. Grundprobleme einer Literaturästhetik. Leipzig, 1980.
- Bolinder D.* Language the Loaded Weapon. N. Y., 1980.
- Coseriu E.* Naturbild und Sprache // Das Naturbild des Menschen. München, 1982.
- Kerbrat-Orecchioni C.* L'énonciation de la subjectivité dans le langage. P., 1980.
- Liebrucks B.* Sprache und Bewusstsein. Frankfurt a. M., 1965.
- Lorenz W.* Wotjak. Zum Verhältnis von Abbildung und Bedeutung. Überlegungen im Grenzfeld zwischen Erkenntnistheorie und Semantik. B., 1977.
- Schmudt Fr.* Zeichen und Wirklichkeit, Linguistisch-semantische Untersuchungen. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1966.
- Tarski A.* The semantics conception of truth // Philosophy and phenomenological research. N. Y., 1944. Vol. 4.
- Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 1971.

Оглавление

Об авторе этой книги	3
Лингвогносеологические предпосылки адекватного познания объективного мира	8
Понятие «картины мира» в логике и лингвистике	20
Языковая форма и универсальный характер логического мышления	27
Язык и интерпретация познавательных фактов. . .	48
Языковые средства и языковая система в их отношении к выражению категории мышления	59
Особенности выразительных средств национальных языков	75
Объективный, субъективный и человеческий фактор в языке.	80
О вербальное™ мышления	102
Литература	119

Contents

About the author of this book.	3
Linguoepistemiological premises of an adequate description of the objective world.	8
The concept of a picture of the world in logic and linguistics.	20
Linguistic form and universality of logical thinking	27
Language and interpretation of cognitive facts	48
Linguistic resources and linguistic system in relation to thinking.	59
Specific features of the expressive means of national languages	75
The objective[^]subjective and hyman factors in language.	80
Verbality of thinking.	102
Literature.	119

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания: от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы.

Философия языка. Под ред. *Сёрла Дж. Р.*

Хамский Н. О природе и языке.

Бодуэн де Куртене И. А. Введение в языковедение.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность.

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика).

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем.

Гринберг Док. Антропологическая лингвистика. Вводный курс.

Кузнецов В. Г. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму.

Серия «Женевская лингвистическая школа»

Балли Ш. Жизнь и язык.

Сеше А. Очерк логической структуры предложения.

Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики.

Фрей А. Грамматика ошибок.

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.

Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.

Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка.

Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке.

Соболевский А. И. Славяно-Русская палеография.

Поржезинский В. К. Сравнительная грамматика славянских языков.

Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка.

Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии.

Головин Б. Н. Основы культуры речи.

Головин Б. Н. Введение в языкознание.

Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-42-16, 135-42-46
или **электронной почтой** UKSS@URSS.ru
Полный каталог изданий представлен
в **Интернет-магазине:** <http://URSS.ru>

Издательство УРСС

*Научная и учебная
литература*